

ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ

Лирическая комедия в двух действиях

(по материалам Театрального музея им. А. А. Бахрушина)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дина Викторовна, далеко за 80

Лиля, 40 лет

Екатерина Ивановна, 80 лет

Павел Андреевич, 60 лет

Алёша, 50 лет

Официант

Директор ресторана

Кассирша

Риэлтор

Аукционист

Люди на аукционе

Люди из воспоминаний:

Мальш, 3 года

Мальчик, 7 лет

Подросток, 13 лет, затем 23

Юноша, 17 лет, затем 27 лет

Женщина, 60 лет

Мужчина, 60 лет, затем 70 лет

Дина, 35 лет, затем 45, затем 55

Верочка, 25 лет, затем 35, затем 45

Действие происходит в Москве в 2007-2008 гг., в 1953 году, в 1963 и в 1973 гг.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ИНТЕРМЕДИЯ

Занавес закрыт.

На авансцену выходит Аукционист.

АУКЦИОНИСТ. Дамы и господа! Вашему вниманию предлагаются три лота. Лот номер три — портсигар знаменитой артистки Веры Федоровны Комиссаржевской, вторая половина девятнадцатого века. Лот номер два — монокль известного писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, первая половина двадцатого века. *(Заговорщически.)* Тот самый монокль, который стал для писателя неопровержимым признаком его скрытой оппозиционности советскому строю!.. И наконец, лот номер один, который относится к первой половине века девятнадцатого! С него мы и начнем наш аукцион! *(Показывает залу исписанный пожелтевший листок под стеклом, читает.)* «Сначала повар подал макароны не совсем доваренные. Гоголь положил сначала множество сливочного масла и двумя соусными ложками принялся мешать макароны. Потом положил соли, перцу. Потом, наконец, сыр-пармезан, и опять долго мешал. Как только распустившийся сыр начал тянуться нитками — макароны были положены Гоголем гостям на тарелку. Макароны были очень вкусны, но мало доварены и слишком переперчены. 2 января 1840 года. Сергей Тимофеевич Аксаков. История моего знакомства с Гоголем». Записка написана рукой Сергея Тимофеевича. Начальная цена тридцать тысяч рублей. Сам Аксаков о самом Гоголе!

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗАЛА. Тридцать пять тысяч!

ВТОРОЙ. А кто такой Аксаков?

АУКЦИОНИСТ. Воспоминания о самом Гоголе!

ТРЕТИЙ. Сорок тысяч!

АУКЦИОНИСТ. Сорок тысяч за артефакт, которому двести лет?! Побойтесь бога, товарищи!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Пятьдесят!

АУКЦИОНИСТ. Написано еще с ятями... Документ имеет заключение экспертов «Гознака» с подтверждением указанного в нем года — 1840-й!

ТРЕТИЙ. Семьдесят тысяч!

АУКЦИОНИСТ. Вот, человек понимает, сколько это будет стоить через двадцать лет!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Сто тысяч!

АУКЦИОНИСТ. Сто тысяч. Кто больше?.. (*Читает.*) «Как только распустившийся сыр начал тянуться нитками — макароны были положены Гоголем... Гоголем!!! Гостям на тарелку!»

ПЯТЫЙ. Сто десять.

АУКЦИОНИСТ (*читает*). Макароны были очень вкусны, но мало доварены и слишком переперчены. Сто десять тысяч раз.

ВТОРОЙ. Так кто такой Аксаков?

АУКЦИОНИСТ. Сто десять тысяч два.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Сто двадцать!

АУКЦИОНИСТ. Сто двадцать тысяч раз.

ВТОРОЙ. Я дам сто пятьдесят, только объясните, кто такой Аксаков!

АУКЦИОНИСТ. Сто пятьдесят, я так понимаю, раз! Сто пятьдесят тысяч два! Сто пятьдесят тысяч три! Продано!

ВТОРОЙ. Ну так кто такой Аксаков?

АУКЦИОНИСТ (*разводит руками*). Ну откуда ж я знаю?.. Продано!

Аукционист уходит.

Занавес открывается.

Сцена 1

Квартира с высокими потолками и огромными окнами. Обстановка в лучших традициях XX века: с абажуром и большим обеденным столом, покрытым скатертью с вышивкой.

В одной части комнаты расставлены фотографии мужчины. В другой части — портреты и фотографии знаменитостей: Вертинского, Утёсова, Целиковской и др. В углу стоит стол с пробирками и микроскопом.

На тахте лежит Дина Викторовна. Лиля закрывает дверь за человеком. Как только дверь захлопывается, Дина вскакивает с тахты.

ДИНА. Что она сказала?

ЛИЛЯ. Ничего особенного. Сказала побережь себя.

ДИНА. Не лги мне, Лиля!

ЛИЛЯ. Мама! Я клянусь, что она сказала очень, очень побережь себя.

ДИНА. Она сказала, что третьего инфаркта уже не будет! Я слышала! Ты лжешь мне! Она сказала — в любую секунду... Вот даже сейчас. Я могу умереть прямо сейчас! Ты можешь себе представить? Вот сейчас — есть, а через секунду — нет.

ЛИЛЯ. Мама, я вас прошу! У вас больное сердце, вам нельзя переживать!

ДИНА. А я и переживаю, что мне нельзя переживать!

ЛИЛЯ. Давайте я измерю вам давление: она сказала следить за давлением.

Измеряет давление.

ДИНА. Мать моя! В любую минуту! Лилечка, помнишь коробку из-под обуви в моем шкафу? В ней сейф!

ЛИЛЯ. Тшш!

ДИНА (*шепотом*). Там пароль — восемнадцать ноль девять.

ЛИЛЯ. Мама, вы можете не разговаривать? Я ничего не слышу!

ДИНА. А ты ничего и не услышишь. Считай, я уже умерла.

ЛИЛЯ. Типун вам на язык! (*Спускает воздух в тонометре, смотрит умоляюще на Дину.*)

ДИНА. Лилечка, ты запомнила пароль? Его очень легко запомнить: это День рождения нашего Витеньки! И день, когда меня выпустили из тюрьмы.

ЛИЛЯ. Вам нельзя переживать!

ДИНА. Эти идиоты обвиняли меня в поджоге театра! Лиля! Меня! Самого преданного человека театра! Я ведь спала уже, мне Королёв позвонил в одиннадцать, режиссер наш. Добралась до Кузнецкого моста, площадь Свердлова оцеплена была. Народу!!! Потолочные перекрытия рушились, ярусы разваливались, с колосников сцены падали колокола звонарни. До сих пор этот дикий звон в ушах стоит. Ворвалась в театр в чем была — в ночной рубашке и тапочках. Слезы градом за детище свое — а они меня хватать — и на Лубянку! Ты записывай, Лиля, записывай! Никаких разговоров впустую, ты должна успеть всё записать за мной.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, давление!

ДИНА. Да! На Лубянке давление дай Боже, оттуда вообще мало кто живой выходил. Сначала я оказалась немецкой шпионкой — девчонка двадцатилетняя! К утру стала шпионкой еще нескольких держав, а потом меня обвинили в поджоге театра! Меня, Лиля!

Дина указывает Лиле на ноутбук. Лиля открывает ноутбук и печатает за Диной.

ДИНА. Якобы я действовала по указанию Наталии Ильиничны Сац, а она-то уже была репрессирована как враг народа. Мол, называй поделщиков! Угрожали, шантажировали. Перед глазами револьвер всё время маячил. А потом выдворили в камеру. В состоянии глубокого — глубочайшего! — обморока. Только через несколько дней они поняли, что я чиста, как слеза Максима Горького. И отпустили. В воскресенье. А начальника пожарной охраны еще год продержали!

ЛИЛИЯ (*печатает*). Подождите, я не успеваю!

ДИНА. Она не успевает! Я этой фразы за всю жизнь ни разу не сказала, права не имела! Все могут не успевать, а администратор не может, не имеет права! Иначе ни театров, ни артистов, ни спектаклей! Три «рас»: рассказать, распродать, рассадить. А эти... (*Многозначительно указывает вверх.*) Рассадить, расправиться, расстрелять. (*Молчит.*) ...А если гастроли? Приехать первой в чужой город, обеспечить зал для выступлений, организовать рекламу, продажу билетов, подготовить номера в гостинице для артистов и, не дождавшись окончания гастролей, успеть переключиться в следующий по маршруту город. И это только чуточная доля огромного перечня сложнейших... Нет — на-и-сложнейших напиши — обязанностей администратора.

ЛИЛИЯ. Я это не писала. Я давайте давление домерю и запишу.

ДИНА. А они меня на Лубянку... Рассадить, расправиться, расстрелять.

Лиля возвращается к тонометру и снова набирает воздух.

ДИНА (*шепотом*). Иду — помню — в свой Божедомский переулок...

ЛИЛИЯ. Дина Викторовна! Ну нельзя разговаривать, иначе он не то давление покажет!

ДИНА (*еще тише*). Я тихонько. Дождь, серость, слякоть, в тапках раскисших по лужам иду, но такое счастье! Самый счастливый день в моей жизни. Восемнадцатое сентября. Восемнадцать ноль девять!

ЛИЛИЯ (*вслушивается*). Сто восемьдесят на девяносто!

ДИНА. Лиля! Восемнадцать ноль девять!

ЛИЛИЯ. Давление у вас сто восемьдесят на девяносто! Давайте я вам настойки боярышника накапаю.

ДИНА. Накапай мне лучше коньяка.

ЛИЛИЯ. Дина Викторовна!

ДИНА. А что? Коньяк расширяет сосуды. Ну же! Даже у преступников перед казнью последнее желание спрашивают, не говоря уже о старушке перед смертью!

ЛИЛЯ (*считает капли*). Семь, восемь... Спрашивать — спрашивают, а исполняют не всегда.

ДИНА. Лиля! Это, может быть, последний коньяк в моей жизни, а ты не успеешь мне его дать и потом будешь мучиться всю жизнь!

ЛИЛЯ. Я не буду мучиться из-за коньяка, не переживайте! (*Вручает Дине Викторовне стакан.*) Пейте капли! И перестаньте вы говорить о смерти!

ДИНА (*пьет*). А о чем мне говорить, Лиля?!

ЛИЛЯ. Хотя бы о Лубянке.

ДИНА. Да. Самое смешное, что через четыре года после всех этих допросов меня назначили главным администратором Ансамбля песни и пляски НКВД СССР! Песни и пляски. И вроде милые люди — поют, пляшут... (*Берёт портрет мужчины, гладит его, целует.*) Лиля, после того как Витенька ушел, жизнь потеряла для меня всякий смысл...

ЛИЛЯ. Вы то же самое говорили, когда вас на пенсию отправляли из театра. И наверняка когда из песни и пляски уходили — так же говорили...

ДИНА. В общем-то, ты права: не жизнь, а сплошная потеря смысла. Если бы не ты и не первый этаж, я бы уже давно сиганула в форточку.

ЛИЛЯ (*улыбается*). Не льстите себе, вы все равно не пролезли бы в нее. (*Серьезно.*) Дина Викторовна! Вы не должны даже думать о смерти!

ДИНА (*после паузы*). Дети не должны, не имеют права уходить раньше своих родителей! (*Плачет.*) Лиля, не имеют права!

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, позвоните наконец своему старшему сыну и забудьте хоть на время звонка о своей гордости!

ДИНА. Замолчи! Ты знаешь, что эта тема закрыта в нашем доме!

ЛИЛЯ. Но почему?

ДИНА. Потому что я даже слышать не хочу об этом паршивце!

ЛИЛЯ. Но «этот паршивец» — ваш сын!

ДИНА. Это из-за него Витенька умер.

ЛИЛЯ. Как — из-за него?! Мы с Витей были женаты тринадцать лет, а вы со старшим начали не общаться еще года за два до нашей женитьбы!

ДИНА. Этот проходимец сначала проиграл в карты половину нашей квартиры!

ЛИЛЯ. Это я знаю. Но как это связано со смертью Вити?

ДИНА. Напрямую! Вместе с половиной квартиры этот нехристь проиграл наш фамильный жилет Гоголя! Деятнадцатого века! Который лично Николай Васильевич Гоголь носил, когда учился в первом классе гимназии! Ты понимаешь, что он продал?! Дух Гоголя продал!

ЛИЛЯ. А почему вы решили, что тот жилет был именно Гоголя?

ДИНА. Что значит — я решила?! Видела бы ты этот жилет! Произведение искусства! Он даже пахнет Гоголем! Пах... Анна Васильевна Гоголь подарила его Ивану Дьякову на одной из карточных вечеринок, потом жилет перешел по наследству к его сыну, Якову Ивановичу. Яков Иванович завещал жилет Георгию Манжосу, и жилет был с Манжосом в Митаве, потом в Риге, потом переехал вместе с ним в Тулу, где пробыл два года, после — в Харьков, и только через три с половиной года оказался в Москве. Манжос уезжал за границу, он очень нуждался, хотел продать жилет либо за границей, либо в Москве. Мой дед не хотел, чтобы жилет Гоголя оказался на чужбине, и выкупил его у Манжоса за большие деньги! И столько времени дух Гоголя благодарил деда за этот поступок!

ЛИЛЯ. Вы главное не нервничайте!

ДИНА. Я вот даже сейчас говорю, и мне лучше становится. Ты главное не напоминай, что жилета больше нет, а то... В любую минуту!

ЛИЛЯ. Дышите вот так. *(Показывает.)* Вдох. Через рот выдох.

ДИНА *(дышит, как показывает Лиля)*. Жилет висел у нас на видном месте! Даже кололо в пальцах от ощущения, что в одной комнате с тобой вещь, которую носил сам Гоголь! Помню, как 2 марта 1952 года стояла на открытии памятника Николаю Васильевичу. Грустного Гоголя убрали, а открывали веселого. Слова разные говорили о том, какой Гоголь великий. А я стою и чувствую превосходство над всеми этими зеваками! Вы тут, серость, разговоры разговариваете про величие Гоголя, а у меня дома жилет Гоголя висит! *(Вздыхает.)* Господи, столько времени этот жилет приносил нашей семье счастье!

ЛИЛЯ. Счастье??

ДИНА. Не то слово. Знаешь, как я устроилась на работу? Этот Георгий Манжос, как выяснилось, был режиссером моего детского Гостеатра. Я когда пришла в театр, Манжоса уже, конечно, там не было, но знали, что был такой Георгий Манжос и что был у него жилет Гоголя, и вот она я, Дина Брежнева, семнадцати лет от роду, у которой в руках тот самый жилет Гоголя того самого Георгия Манжоса. Меня приняли в театр.

ЛИЛЯ. Выходит, вашим родителям этот жилет не очень-то счастье приносил... Они ведь были не слишком довольны вашим выбором...

ДИНА. Ты думаешь, он только один раз счастье принес?! Это же тебе не Бестужева-Марлинского какого-нибудь жилет, а Гоголя! Ни один член нашей семьи не погиб ни в Первую Мировую, ни в Великую Отечественную, ни в одну из Гражданских, и даже в Кровавое воскресенье у прадеда схватил живот, и он остался дома! А все соседи погибли на той демонстрации! Все! Всё благодаря жилету! Витеньку же убили — не на войне, а вот так, в подъезде...

ЛИЛЯ. Но сын продал ваш жилет... то есть жилет Гоголя... за пятнадцать лет до смерти Вити!

ДИНА. А то, что Витю убил человек в жилете, именно в жилете, по описаниям свидетелей, — тебя не навевает ни на какие мысли?

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, а если бы его убил человек в куртке, вы простили бы старшего сына?..

ДИНА. Лиля, повтори пароль!

ЛИЛЯ. Зачем он мне?

ДИНА. Там самое ценное, что у меня есть. Когда я помру...

ЛИЛЯ. Хватит, Дина Викторовна! Нам еще рукопись писать и писать, а вы со своим «помру»!

Лиля включает настенное радио, загорается кнопка, но радио молчит.

Лиля нажимает клавишу, и из ноутбука звучит песня «Доченьки» Александра Вертинского. Лиля выключает, ищет замену.

ДИНА. Оставь доченок.

Лиля снова включает песню.

ЛИЛЯ *(одевается)*. Вот приду с работы — запишем всё в лицах!

ДИНА. Нет уж, Лиля, сейчас запишем. Ты можешь прийти с работы — а меня уж и нет! Выключай.

Лиля выключает музыку и открывает ноутбук, поглядывая на часы.

ДИНА. На чем мы остановились?

ЛИЛЯ *(читает)*. «Выздоровливала не только и не столько я — выздоравливала вся страна!»

ДИНА. Да. Хорошо сказано. *(После паузы.)* Постепенно театр стал для меня необходимостью. *(Лиля печатает.)* Во время летних каникул, чтобы чаще бывать на спектаклях, я старалась оказывать администрации театра мелкие услуги: приносила из дома разные вещи, которые служили в качестве бутафории и реквизита. В спектакле «Дети Ванюшина» неоднократно фигурировал фирменный мундир моего двоюродного брата, в спектакле «Ревизор» — мельхиоровый кофейный сервиз и плюшевая скатерть, во

многих других спектаклях — ковры, качалка, вазы, статуэтки... Родители, хоть и косо смотрели на мое увлечение театром, но активно тогда еще не препятствовали. Однажды, воспользовавшись тем, что родители были в отъезде, я отнесла в театр наш старинный граммофон с огромной трубой — с громким названием «Монарх», в благодарность за это получила контрамарку на два лица на свободные места не ближе седьмого ряда.

ЛИЛИЯ *(печатает)*. Какого ряда?

ДИНА. Седьмого ряда. Да. Шел спектакль «Петербургские трущобы», впервые я присутствовала в театре с кавалером. *(Сбивается с пафосного тона, поясняет Лиле.)* Вовку из второго подъезда позвала, его в честь Ленина Вовкой назвали. *(Возвращается к серьезному тону.)* Увы, наш культпоход окончился печально: при перестановке декораций упала стенка павильона и вдребезги разбила мой граммофон, целой осталась только труба. Я так расстроилась, что, забыв о кавалере, со всех ног бросилась домой. В этот злосчастный вечер я вместе с «Монархом» — «вылетела в трубу». С этой поры родители категорически запретили мне брать из дома вещи, но администрация театра проявила удивительное благородство: меня как пострадавшую за бескорыстное служение искусству продолжали бесплатно пропускать в наш театр. Еще мне дали зеленую карточку в кафе при театре — «Театральная гостиная»... У всех артистов такая карточка была, и у меня. *(Роется в шкафу, достает карточку и протягивает ее Лиле.)* Держи артефакт!

ЛИЛИЯ *(рассматривает карточку)*. Пойдет иллюстрацией в вашу книгу.

ДИНА. Ох, сколько эта карточка видела, Лилия!.. Я прямо чувствовала себя причастной к великому: дышала тем же воздухом, что и любимые артисты, пила тот же чай... А так туда сложно было попасть, в кафе это. И потом уже я свою судьбу там встретила. Две судьбы. Даже три. Лилия, это не надо печатать. *(Лилия отрывается от ноутбука.)* В этом кафе произошли все судьбоносные события в моей жизни, все встречи самые удивительные. Это какое-то необычайное место, хочу тебе сказать. Оно и сейчас, это кафе, сохранилось, только называется теперь «Элит». Если бы мне сейчас не умирать, то я бы непременно зашла туда, и тогда обязательно что-нибудь да произошло бы! Я не исключаю даже замужество! *(Смеется.)*

ЛИЛИЯ *(серьезно)*. Дина Викторовна, у вас когда первый ребенок родился, вы что почувствовали?

ДИНА. Почувствовала, что геморрой у меня вылез после родов. Врач сказал, что так у многих. Не знаю, как у многих, а у меня он до сих пор не затянулся. И очень символично: что сын, что геморрой — считай, одно и то же.

ЛИЛИЯ. Так нельзя!

ДИНА. Но ведь когда я рожала Витеньку, у меня не вылез геморрой! ...Они разные, совсем разные.

ЛИЛЯ. Они ведь от разных... мужчин?

ДИНА (*загадочно*). Их отцы известны всей стране.

ЛИЛЯ. А... этим отцам... Им было известно, что они отцы?

ДИНА. Нет, зачем. Нет ничего хуже, чем иметь мужа-актера.

ЛИЛЯ. Мне кажется, хуже — не иметь никакого мужа...

ДИНА. Это тебе только кажется. Отец старшего сына — он был необычайно красив. У него был такой благородный греческий нос, длиннющие ресницы закрученные, баритон! Правда, ноги были немного кривые. Я тоже была не промах. Фигурка, глазки, губки... Руки золотые. Сама себя обшивала. Один изьян — сама видишь — нос как был пятаком — так пятаком и остался. Так вот наше произведение умудрилось взять от отца кривые ноги, а от меня — нос! Ни ресниц, ни баритона. Руки из задницы. За что мне это? Лиля, ты же генетик, объясни — ну как же так?

ЛИЛЯ. Разные факторы. Вообще, гены располагаются линейно в хромосоме, и сцепление генов зависит от удаленности одного гена от другого. Установили это, кстати, именно благодаря мухам-дрозофилам. А вы их гоняете, липучки развешиваете...

ДИНА. Это ж как мы были далеки друг от друга, получается... В этом есть зерно правды... Понимаешь: ничего, ну совсем ничего не напоминало в нем его отца!

ЛИЛЯ. Еще фактор: гены, расположенные на одной хромосоме, наследуются вместе крайне редко...

ДИНА. Вот он и не унаследовал ничего путного! Не хромосомы, а позор нации! Витенька же взял от родителей лучшее! У него хромосомочка к хромосомочке получились... Он... (*Плачет.*) Всё, иди, Лиля! Уходи! Получишь на работе выговор вместе со своими мухами.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, вы главное имейте в виду, что кривые ноги и дурная форма носа у вашего сына — только в фенотипе, а вот в генотипе у него — и греческий нос, и прямые ноги, и баритон, и даже руки из нужного места!

ДИНА. Это утешает. Но терпеть-то приходится фенотип!

ЛИЛЯ. Зато вполне возможно, что у вас очень красивые внуки, похожие на вас и на... вашего избранника. Поэтому...

ДИНА. Без поэтому, Лиля. Без пятнадцати девять.

ЛИЛЯ. Да.

Лиля кладет в сумку несколько пробирок и идет к двери.

ДИНА. Следи за сумкой и черными котами: у раков сегодня плохой день.

ЛИЛИЯ. Спасибо, мама.

Лиля закрывает за собой дверь.

ДИНА (*кричит вдогонку*). Через дорогу осторожно!

Сцена 2

Дина машет Лиле в окно, потом ходит из угла в угол. Садится в кресло, трёт виски. Комната начинает заполняться людьми. В кресле — пожилой мужчина с газетой в руках.

Недалеко от него — под стеклом — жилет Гоголя. Вбегают 7-летний мальчишка с самолетиком в руках, за ним бежит 3-летний малыш.

МАЛЬШ. Да-ай!

МАЛЬЧИК. Дай уехал в Китай, сказал: «Витьке не давай!»

МАЛЬШ. Он так не говори-ил!

Следом в комнату входит Вера, в ее руках большая кастрюля, через крышку которой пробивается пар. Следом идет пожилая женщина с тарелками.

ВЕРА. Кончайте бегать: у меня горячее!

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Вера, только не разлей свое горячее!

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА (*мальчишкам*). Вот я кого-то поймаю, надеру уши!

ВЕРА (*кричит в сторону двери*). Дин, захвати половник!

В комнату входит Дина с половником, на ней платье из той же ткани, что и домашний халат Дины Викторовны.

ДИНА. Ребята, за стол!

МАЛЬШ. Ма, ну ма, ну скажи ему!

ДИНА (*мальчику*). Говорю: до репетиции двадцать минут! Прекращайте разговоры!

МАЛЬЧИК. Ма, какая репетиция?! Тебя же месяц не было! Ты обещала зоопарк!

ДИНА. Я обещала завтруппой не опаздывать!

МАЛЬЧИК (*чуть не плачет*). Ма-а!!!

ДИНА. Ведешь себя как трехлетний малыш! Не будь ребенком, ты же знаешь, что у меня работа!

Мальчик швыряет ложку и уходит из-за стола.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА *(не отрываясь от газеты)*. Толку от этой работы.

ДИНА *(вслед мальчику)*. Лучше вернись за стол.

МАЛЬЧИК. Не голоден, спасибо.

ДИНА. У меня нет времени тебя упрашивать.

МАЛЬЧИК *(из комнаты)*. У тебя всегда нет времени.

БЕРА *(женщине)*. Мать, включи радио.

Женщина включает радио: загорается огонек, и звучит песня «Доченьки» Вертинского.

ДИНА *(пожилому мужчине)*. Толку, говоришь?! Вы Вертинского по радио слушаете — я с ним работаю! Может быть, если бы не я, черта с два вы бы услышали его. *(Кричит в сторону комнаты.)* ...Не голоден он! Не голоден, потому что я пашу с утра до ночи, чтобы ты не голоден был! А он ложку мне швыряет!

МУЖЧИНА. Они таки взорвали в Казахстане бомбу. *(Читает.)* Первое в мире испытание термоядерного оружия, водородной бомбы-слойки мощностью взрыва в двадцать раз большей, чем взрыв атомной бомбы.

МАЛЫШ. А что значит бомбы-слойки, дед? Это как бабушка слойки с повидлом делает?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Всё-всё, быстренько за стол!

Все рассаживаются. Мужчина ест, не отрываясь от газеты и не глядя на еду. Женщина ест, не отрываясь от тарелки, очень медленно размешивая еду. Вера ест быстро, не глядя по сторонам. Малыш «приземляет» на тарелку самолетик, как на аэродром. Самолетик раскис, малыш достаёт его и виновато оглядывает всех взрослых. Никто не видит его оплошности. Дина не ест — она изучает какие-то бумаги. Потом встает и уходит.

Дина Викторовна провожает ее взглядом, встает с кресла. Музыка смолкает, все исчезают. Дина Викторовна открывает телефонный справочник на нужной странице, подходит к телефону и, чуть помедлив, набирает номер. Раздаются гудки.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Алло?

Дина Викторовна быстро кладёт трубку.

ДИНА. Жена? Дочь? Голос приятный. Значит... внучка. На мой похож. Господи, какая она — внучка? *(Вскакивает, закуривает, ходит из угла в угол, листая телефонный справочник.)* Обзвонить! Сначала всех обзвонить! Надо успеть всех обзвонить! *(Судорожно листает справочник.)* Если на моих похоронах не будет хотя бы сотни человек, то что ж это за жизнь получится... *(Листает телефонный справочник.)* Покажи мне свою телефонную книгу, и я скажу тебе, кто ты. *(Читает.)* «А». Администратор Зыкиной. Ахеджакова Лия. «Бэ». Бабкина Валентина Георгиевна. У всех на «бэ» кто? Баба Маша, баба Валя. У меня тоже Валя, но не баба, а Бабкина! У меня ж номера почти всех знаменитостей были. Я могла раз — и позвонить какой-нибудь знаменитости. *(Набирает номер.)* Бабкиной позвоню.

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Номер не существует. Проверьте правильность номера и наберите заново.

ДИНА. Ну да... Код-то, наверное, поменялся... А ну Ахеджакову попробую... Ахеджакова всегда набиралась... *(Набирает номер.)*

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Неправильно набран номер.

ДИНА. А Кобзон? Недавно же вроде вносила... Ну же... *(Листает телефонную книгу, набирает номер.)*

ГОЛОС КОБЗОНА. Слушаю!

Дина быстро кладет трубку и, довольная собой, хихикает.

ДИНА. Есть, есть... Не подвел Иосиф Давыдович!

Снова листает справочник. Раздается телефонный звонок. Дина хватается за сердце.

ДИНА. Кобзон! Определитель у него что ли?.. Что сказать? Сказать что?! Номером ошиблась сказать... Или напомнить, как в реквизиторском пересекались... Или... *(Звонки прекращаются.)* Фуф. *(Отключает телефон от сети.)* Так спокойней как-то. *(Листает телефонную книгу.)* «Вэ». Вайсбейн, Велиховы, Вера... Господи, никого же не осталось. Все вычеркнуты. *(С гордостью.)* Вайсбейн — это Утёсов. Мало кто знает. А Дина знает, Дина даже знает, какой чай Леонид Осипович предпочитал и сколько долек лимона надо было в него класть... *(Проводит пальцем по надписи.)* Витенька... Вот раньше можно

было набрать номер и услышать голос — Вайсбейна, Витеньки, Веры, Велиховых на худой конец. А теперь... Только «ВДНХ администрация» осталась на «в». А и это вычеркнуть надо. *(Ищет ручку.)* Ни выставок нет, ни достижений, ни народного хозяйства. *(Вычеркивает.)* До свиданья. ...Вот и меня скоро все повычеркивают в справочниках своих. Обидно как. Раз — и вычеркнули человека из жизни, из памяти, вычеркнули, чтобы никогда уже номер его не набрать. *(Листает.)* Зое надо позвонить, она точно придет. *(Включает телефон и сразу набирает номер.)*

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Алло!

ДИНА. Здравствуйте, пригласите, пожалуйста, Зою к телефону.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Она умерла.

ДИНА. Извините... А давно?

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Двадцатого марта.

ДИНА. Извините. *(Кладет трубку.)* Зоя, Зоя... *(Вычеркивает.)* Я на тебя так рассчитывала. Подвела ты меня, Зоя. *(Читает.)* Оля бутафор. *(Задумывается.)* Это из какого театра? Сейчас узнаем. *(Набирает номер.)*

ГОЛОС. Слушаю.

ДИНА. Добрый день. Олю могу я услышать?

ГОЛОС. Какую Олю?

ДИНА. Ну Олю. Бутафора.

ГОЛОС. А, Ольгу Дмитриевну? Так она умерла в прошлом году.

ДИНА. Извините! *(Швыряет трубку.)* Да что ж это такое! Врагу не пожелаю дожить до девяноста! Это ж даже поговорить не с кем! На похороны пригласить некого! *(Листает.)*

Люда, Люда! Ты же моложе меня на пятнадцать лет! Ну же! *(Набирает номер.)*

ГОЛОС. Алло?

ДИНА. Людка, ты?

ГОЛОС. Я!

ДИНА. Ты живая? Ну слава Богу!

ГОЛОС. Это кто?

ДИНА. Это Дина Брежнева. Я хочу пригласить тебя на похороны.

ГОЛОС. А кто умер?

ДИНА. Я. Ну то есть я еще не умерла, но могу в любую минуту. Врач сказал. Приходится организовывать всё быстро и самой. Как говорится, «кто, если не я». Люд, пообещай, что придешь!

ГОЛОС. Ты там одичала совсем? Чё несешь-то?

ДИНА. Тебе трудно прийти?

ГОЛОС. Мне не трудно, просто...

ДИНА. Ну вот и всё! Ставлю галочку. Разговоров-то! Салют! *(Кладёт трубку, отключает телефон от сети, переворачивает страницу, читает.)* «М». Магомаев. Макаревич. Мать. Почему мать? Почему я никогда не звала ее «мама»? А отца — «папа»? Ма-ма. Па-па. Как-то это уютнее, что ли. Почему я всегда говорила «мать» и «отец»? И Вера тоже... Сейчас я бы сказала «ма-ма», «па-па». Только некому. ...Маша Свердлова. Маше надо позвонить. *(Включает телефон, набирает номер. Раздаются длинные гудки.)* Вот и думай теперь: умерла или просто дома нет.

Раздается звонок в дверь. Дина кладет трубку, отключает телефон от сети и идет к двери, на ходу разгоняя сигаретный дым.

Сцена 3

На пороге появляется Екатерина Ивановна.

ЕКАТЕРИНА. И что сказал врач?

ДИНА. Что после третьего инфаркта пенсию мне платить не будут.

ЕКАТЕРИНА. Это почему еще?

ДИНА. Потому что помру.

ЕКАТЕРИНА. Ясно.

ДИНА. Так что, Катерина Иванна, у меня теперь постельный режим.

ЕКАТЕРИНА *(развеивает руками сигаретный дым)*. Заметно. Курить тоже врач прописал?

ДИНА. А как же! Мальборо три раза в день, желательно после еды.

ЕКАТЕРИНА. Лиля знает?

ДИНА. Лилия на работе.

ЕКАТЕРИНА. А Лиле доктор не прописал постельный режим?

ДИНА. А Лиле зачем? Молодая, здоровая.

ЕКАТЕРИНА. Вот именно: молодая, здоровая, а уже три года со свекровью живет — бывшей, хочу заметить!

ДИНА. Пускай живет: она мне не мешает...

ЕКАТЕРИНА. А может, ТЫ ей мешаешь?

ДИНА. Я??!! Да я люблю ее, как родную дочь!

ЕКАТЕРИНА. Дина, ты дура от рождения или после инфаркта?

ДИНА. Только без оскорблений: стрельцам можно сегодня схлопотать от раков!

ЕКАТЕРИНА. Ей сорок лет! Она молодая женщина, ей надо замуж и детей, пока не поздно. А у тебя вон вся квартира в Витиных портретах!

ДИНА. Она его любит...

ЕКАТЕРИНА. Извини, но от портрета она не забеременеет! Ты хочешь, чтобы она до конца жизни была вдовой?

ДИНА. А тебе-то какая разница?

ЕКАТЕРИНА. У меня сын развелся...

ДИНА. Иди, Катя, иди. У тебя сын развелся — у меня умер.

ЕКАТЕРИНА. Но она-то — не умерла!

ДИНА. Зато я скоро умру, тогда и поговорите. Иди!

Дина выпроваживает Екатерину Ивановну.

Сцена 4

Кафе. Лиля сидит за столиком, пьет кофе и вертит в руках карточку Дины Викторовны.

В зал входит Павел, на вид ему не больше 50 лет. Возле его носа кружит муха, он отмахивается от нее, затем хватается за салфетку, подкрадывается к соседнему столику и замахивается.

ЛИЛЯ (*вскакивает из-за стола*). Не убивайте ее, пожалуйста! Это золотистая дрозofiла!

ПАВЕЛ. Вы мне?

ЛИЛЯ. Да. Это большая редкость, что он появился здесь!

ПАВЕЛ. Кто — он?

ЛИЛЯ. Муха. Это самец. Видите: кончик брюшка темный, почти черный, и закругленный. А у самок кончик заостренный, и они крупнее намного.

ПАВЕЛ. Ясно. Но этот самец мешает мне от самого входа в ресторан!

ЛИЛЯ. Этому самцу собираются установить памятник в Геленджике, это гордость науки, а вы его салфеткой!

ПАВЕЛ (*улыбается*). И что же выдающегося успел свершить ваш самец?

ЛИЛЯ. Выдающийся у него генетический код, который на семьдесят процентов совпадает с генетическим кодом человека!

ПАВЕЛ. Ого.

ЛИЛЯ. Да. Тысячи открытий в генетике и как следствие миллионы спасенных человеческих жизней — благодаря этому скромному существу!

ПАВЕЛ (*подсаживается к Лиле*). Так может быть, выпьем за него?

ЛИЛЯ. Спасибо, только я не пью.

ПАВЕЛ. Если честно, я тоже не пью. Павел.

ЛИЛЯ. Лилия. Так зачем тогда предлагаете, если не пьете?

ПАВЕЛ. А какой найти повод, чтобы сесть за ваш столик?

ЛИЛЯ. Помогите мне поймать эту дрозофилу, и садитесь себе!

ПАВЕЛ (*смеется*). Согласен!

Лилия выдает Павлу мини-сачок, и они охотятся за мухой. Павел хватает ее в сачок, Лилия достает из сумки эфир и пробирку.

ЛИЛЯ. Сейчас я усыплю ее эфиром, а через минуту можно поместить в пробирку.

ПАВЕЛ. Seriously. Вы муховед?

ЛИЛЯ (*проделывает все манипуляции*). В некотором роде. Я генетик.

Лилия и Павел садятся за столик. Подходит официант.

ОФИЦИАНТ. Добрый вечер! Что будете заказывать?

ПАВЕЛ (*Лиле*). Не знаю, как вы, а я бы съел целого кабана!

ОФИЦИАНТ. Кабанов не готовим. Утка, курица, свинина, говядина. Ознакомьтесь с меню.

ПАВЕЛ. Для меня этот ресторан когда-то не только кабанов готовил! А ну-ка, дружище, пригласи мне вашего директора, он мой большой друг.

ОФИЦИАНТ. Минуточку.

Официант уходит.

ПАВЕЛ (*Лиле*). Георгий — прекрасный человек, мы дружим уже тысячу лет!

ЛИЛЯ. Хорошо.

ПАВЕЛ. Да. (*Зависает пауза.*) Скажите, Лилия, а вот неужели есть какие-то явные сходства между мухами и людьми?

ЛИЛЯ. Конечно. Вот даже на предмет алкоголя. Недавно американские биологи провели интересный эксперимент. Самцам плодовой мушки они предлагали на выбор две кормушки: в одной был обычный сахарный сироп, в другой — он же, но разбавленный спиртом. Те самцы, чьи ухаживания были отвергнуты самками, пили из кормушки с алкоголем гораздо чаще.

ПАВЕЛ. У мух что, тоже случаются страдания и комплекс неполноценности? И запойные среди них бывают?

ЛИЛЯ. Это всё научно объяснимо. Всё дело в пониженной концентрации в их организме белка под названием нейропептид-эф, который действует на центр удовольствий насекомого. Не получая его из-за отсутствия спаривания, мушки пытаются восполнить пробел потреблением алкоголя.

ПАВЕЛ. Потрясающе. То есть если вы не пьете, значит, в личной жизни у вас всё прекрасно?

ЛИЛЯ. И у вас тоже. А вообще, дрозофилы используются в генетическом моделировании очень тяжелых человеческих заболеваний, включая болезни Паркинсона, Альцгеймера, диабета, рака... Хрупкие, маленькие, всего два-три миллиметра в длину, а мы с вами, возможно, именно благодаря им и живем.

ПАВЕЛ. Убедили: я чувствую себя злостным преступником.

Лиля смеется. Подходит Директор в сопровождении Официанта.

ДИРЕКТОР. Добрый вечер. Я вас слушаю.

ПАВЕЛ. Добрый... А где Гоша?

ДИРЕКТОР. Простите?

ПАВЕЛ. Это ресторан «Элит», я не ошибся?

ДИРЕКТОР. Вы не ошиблись.

ПАВЕЛ. Мне нужен Георгий Казарян, директор ресторана...

ДИРЕКТОР. Георгий Иванович умер четыре года назад.

ПАВЕЛ. О господи... А я... не знал. Скажите, а Марина, его жена... Как-то можно связаться с ней? Дело в том, что у Гоши были некоторые мои вещи, и у нас с ним были некоторые договоренности...

ДИРЕКТОР. Ничем не могу помочь, я не знаком с его женой.

ПАВЕЛ. Спасибо. Вы извините за беспокойство.

ДИРЕКТОР. Хорошего вечера. Можно вас на минуточку?

Директор и Павел отходят.

ДИРЕКТОР. Его убили.

Директор уходит. Павел возвращается за столик.

ПАВЕЛ (*официанту*). Принесите нам, пожалуйста, стопку водки...

ОФИЦИАНТ. Нам — это две стопки?

ПАВЕЛ. Нам принесите рагу, бефстроганов и «Цезарь». И стопку водки.

Официант уходит.

ПАВЕЛ. Как-то получилось... Нехорошо как-то получилось.

ЛИЛЯ. Вы давно не общались?

ПАВЕЛ. Да. Если честно, давненько.

У Лили звонит телефон.

ЛИЛЯ. Да, мама!

ГОЛОС ДИНЫ. Лилечка, а ты где?

ЛИЛЯ. Я в кафе!

ДИНА. А чего ты в кафе забыла? Дома что ли кушать нечего?

ЛИЛЯ. Я только кофе выпила.

ДИНА. Да и кофе дома есть... Ладно, давай быстренько, а то смерть смертью, а сериал пропустить нельзя: он через двадцать минут начинается!

ЛИЛЯ (*улыбается*). Хорошо.

ДИНА. Ничего не случилось?

ЛИЛЯ. Н-нет. А что должно было случиться?

ДИНА. Ну у раков же сегодня плохой день. Вот я и спросила. Всё, беги, через дорогу осторожно.

ЛИЛЯ. Да. (*Убирает телефон.*) Вы извините, мне пора.

ПАВЕЛ. Строгая мама?

ЛИЛЯ (*улыбается*). Строгая. И уже старенькая. До свидания.

ПАВЕЛ. До свидания — где? Предлагаю в Театре эстрады. У меня есть две контрамарки на спектакль «Всё как у людей». На завтра. Составите компанию?

ЛИЛЯ. Вы знаете, вряд ли...

ПАВЕЛ. Я спас жизнь вашей дрозофиле!

ЛИЛЯ (*улыбается*). Убедительно. Я постараюсь.

ПАВЕЛ. Буду ждать вас без пятнадцати шесть у входа.

Лиля уходит.

Сцена 5

Квартира Дины. Комната заставлена коробками.

Дина сидит за столом и чистит вишню. На столе — тесто, пиалы, скалка. Работает телевизор. Входит Лиля.

ЛИЛЯ *(раздевается)*. Успела?

ДИНА. Сейчас эта чушь «Понять, простить» заканчивается — и сразу! *(Смотрит в телевизор.)* Господи, ну на кого это рассчитано?!

ЛИЛЯ *(замечает коробки)*. Мы переезжаем?

ДИНА. В некотором роде. По крайней мере, я — точно.

ЛИЛЯ. Далеко?

ДИНА. Этим вопросом я как раз сейчас и занимаюсь. Я не могу лежать где попало: мне надо, чтобы это было живописное место. Чтобы мне там нравилось.

ЛИЛЯ. Вы о чём?!

ДИНА. О кладбище, разумеется, о чем еще? Лиля, тебе предстоит большая работа, надо всё успеть. Смотри. На каждой коробке лежит бумажка с адресом и список содержимого для отправления с объявленной ценностью.

ЛИЛЯ. Что это?

ДИНА. Ну вот здесь, например, мое зеленое платье, туфли, в которых я с Козловским на фотографии была. Авторучка, подаренная мне Баталовым. Потом бусики фиолетовые, сережки, моя школьная тетрадь шестого класса по математике и восемь грампластинок. Тут всё указано. Отправить надо в Харьков, Катюше. *(Подходит к следующей коробке.)* Дальше Елене Николаевне Кораблевой, в Таганрог. Ей трехтомник Есенина, мой портрет метр на полтора, хорошо у нее в гостиной смотреться будет... Там как раз место возле фортепиано, я ей написала в письме. Но я не настаивала, конечно. Она может и возле журнального столика повесить... Просто возле фортепиано гораздо удачнее. Дальше. Красный свитер, шапка вязаная с брошкой, платок павловопосадский... *(Смотрит на Лилю.)* Что ты так смотришь на меня? Ты хочешь себе павловопосадский? Я тебе оренбургский оставила, мне казалось, он тебе больше нравится. *(Лиля молчит и пристально смотрит на Дину.)* Нет, ну если ты и павловопосадский хочешь, мы сейчас вытащим. *(Дина пытается открыть коробку. Лиля плачет.)* Ну что, что? Трехтомник?

Свитер? Я не понимаю, Лиля! Шапка? Объясни! (*Спохватывается.*) Поняла: портрет! Мой портрет! Как это трогательно!

ЛИЛЯ. Да вы, вы, Дина Викторовна! Я не хочу, чтобы вы умирали!

Дина обнимает Лилю, обе плачут друг у друга на плече.

ДИНА. Если бы ты не хотела, чтобы я умирала, ты бы не запрещала мне есть колбасу! (*Смеется сквозь слезы.*)

Лилия молчит. Дина достает из холодильника колбасу, отрезает себе приличный кусок и с удовольствием причмокивает.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна!

ДИНА. А что? Ты видишь — на ней написано «отборная»?! То есть из нее отобрали всё мясо, и вот тебе гольная соя, а сою мне можно.

ЛИЛЯ. Чтобы жить долго, вы должны правильно питаться! Давайте займемся лучше этим вопросом! (*Перетаскивает коробки в кладовку.*) Есть такая компьютерная программа: вводишь свои диагнозы, анализы и прочее, а программа сама все это обрабатывает, исключает определенные продукты, которые нельзя при ваших болячках и даже при букете болячек, и выводит для вас список продуктов, которые можно использовать в повседневном рационе.

ДИНА (*жует, возвращает коробки из кладовки в коридор*). Если в такую программу внести все мои болячки, то я и без этой программы знаю два слова, которые она мне выведет.

ЛИЛЯ. Какие?

ДИНА. «Выбрось холодильник». Или «Кончай жрать». Или если интеллигентная программа, то просто «Есть нельзя!»

В телевизоре идет заставка фильма «Дом на Набережной». Дина Викторовна оставляет коробки и садится перед телевизором вместе с колбасой.

ДИНА. Началось! Я сегодня всю ночь не спала из-за этих малолетних идиотов. Это придумать же — ходить по бордюру балкона на десятом этаже! Как ты думаешь — арестуют за это Сониного отца?

ЛИЛЯ. Я об этом не думала...

ДИНА. Вообще, смотрю с особым чувством. Столько у меня связано с этим Домом на набережной. Я там Утёсову помогала с оркестром. Там даже фотография в Театре эстрады есть на втором этаже. И справа там в дальнем ряду я. Там фон размытый, правда, но баяниста Николая в принципе видно, вот за ним-то я как раз и стою.

ЛИЛЯ (*радостно вскрикивает*). Дина Викторовна! Давайте я завтра съезжу в Театр эстрады, сфотографирую эту фотографию! Вставим в рукопись! Это же история!

ДИНА. Хорошая идея... Интересно, висит она еще там, эта фотография?..

ЛИЛЯ. Вот завтра и узнаем!

ДИНА. Да зачем так срочно...

ЛИЛЯ. Мне интересно. Очень интересно. Я после работы сразу пойду.

ДИНА. Ну ладно. ...А как «Дом на Набережной» закончится, по второму «Спас под березами» начнется. Там Муравьева, надо обязательно посмотреть. Это муж ее снял, Леонид Данилович.

Дина сосредоточенно смотрит в экран телевизора. Лиля включает чайник. Внезапно гаснет свет, и телевизор выключается.

Лиля зажигает свечу, очевидно, что она делает это не в первый раз.

Дина швыряет остаток колбасы на стол.

ЛИЛЯ. Сейчас соседа позову.

ДИНА. Не надо никакого соседа.

ЛИЛЯ. Почему? Мы же всегда зовем сына Екатерины Ивановны?

ДИНА (*встает*). Я и сама неплохо справлюсь. (*Возвращается за стол.*) Ты, наверное, свет в прихожей не выключила.

ЛИЛЯ. Я чайник включила. Но чайник, свет в прихожей, здесь, плюс включенный телевизор наши пробки еще в состоянии пережить.

ДИНА (*кричит*). Утюг!!!

ЛИЛЯ. Где?

ДИНА. Я не помню! Кажется, в комнате!

Лиля выбегает, потом возвращается.

ЛИЛЯ. В комнате нет. А где же вы гладили?

ДИНА. Ну как я могу помнить, где я гладила?!

ЛИЛЯ. А что вы гладили?

ДИНА (*закатывает глаза*). Что-то гладила. Что-то точно гладила. Давай лучше искать, а не болтать!

Лиля со свечой открывает шкаф, на полке мирно стоит утюг.

ЛИЛЯ. Да вот он, утюг.

ДИНА. Значит, я вчера гладила.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, вы неделю назад гладили, мы стирали во вторник.

ДИНА. Лучше перестраховаться. У меня уже один раз был пожар на почве тщеславия.

ЛИЛЯ. В каком смысле?

ДИНА. Я смотрела по телевизору вручение «Оскара» и забыла про утюг!

ЛИЛЯ. Представляю, как переживали за ваш пожар номинанты на Оскар... Вы сегодня тоже смотрели «Оскара»?

ДИНА. Не смотрела... Ну могла я хотя бы надеяться, что пробки еще выдерживают привычную нагрузку.

ЛИЛЯ. Значит, свет здесь, чайник и телевизор — это теперь наш максимум.

ДИНА. Туалет во время рекламы.

ЛИЛЯ. Так я позову Алексея?

ДИНА. Он сегодня очень устал на работе. Катя заходила... Говорила. Я завтра сама его утром позову. ...Ты на работу пойдешь, а я позову.

ЛИЛЯ. Странно как-то.

ДИНА. Ничего странного.

ЛИЛЯ. А «Дом на Набережной»?..

ДИНА. Да ну его.

ЛИЛЯ. Но без света как-то...

ДИНА. Как-то интереснее даже, загадочнее... Я тебе при свечах про первую любовь расскажу.

ЛИЛЯ. Это интересно!..

ДИНА. Вот видишь. Давай вареники лепить. Точнее, я лепить буду, а ты записывай. Надо наполнить жизнью каждую минуту!

Лиля открывает ноутбук и начинает печатать.

ДИНА. Первая любовь. Выдели жирным — так глава будет называться. (*Меняет интонацию.*) Не о юношеских сердечных увлечениях, не о волнующих свиданиях на

скамейках городских скверов намерена я повести свой рассказ. Нет, речь пойдет о другого рода первой любви — о любви к театру, к сцене, к зрительному злу. Эта любовь тоже бывает горячей и даже пламенной, как показал мой собственный опыт, неизменной и длительной... Сокровенная мечта моя, связанная с искусством, впервые сбылась, когда я училась в четвертом классе: мне доверили роль Дуняшки в «Женитьбе» Гоголя. Я бегала через всю сцену, открывала двери и на вопрос «Дома?» отвечала: «Дома!» Целых три раза. Не прошло и года, когда я овладела уже второй ролью классического репертуара, ролью шафера в «Свадьбе» Антона Павловича Чехова, где темпераментно и старательно выкрикивала: «Гранд ронд! Гранд ронд!» Мальчиков не хватало, и я низким таким голосом кричала в мужском костюме: «Гранд ронд! Гранд ронд!» Казалось бы, можно удовлетвориться таким успехом в начальной стадии своей актерской карьеры... Но невозможно погасить в себе ревнивую зависть к двоюродному брату, который уже тогда в театральном кружке Реального училища успел сыграть Бобчинского в «Ревизоре»! Во всяком случае и мои школьные товарищи, и педагоги заметили мое горячее стремление стать более заметным лицом в училищной театральной деятельности, и с их помощью я постепенно стала главной в устройстве всякого рода вечеров и спектаклей. Сначала в училище — потом в ведущих театрах страны!

ЛИЛИЯ. А про настоящую первую любовь?

ДИНА. Настоящее некуда.

ЛИЛИЯ. Я про любовь к мужчине.

ДИНА. Ой, сколько их было, этих первых любовей, всех и не упомнишь! А эта — незыблемая!

ЛИЛИЯ. Дина Викторовна, через десять минут Муравьева будет... Ну «Спас под березами»... Может, позовем все-таки Алексея?

ДИНА. Мне дорогá каждая минута, я не могу разбрасываться временем на всякие спасы под всякими березами! Просто не могу, понимаешь ты меня? Да и чего я про ту Муравьеву не знаю! Она же в 1970-м в мой детский театр пришла работать. Ой, какая у нас «Сказка о четырех близнецах» получилась! Но я-то первая заприметила, что Леонид Данилович как-то особенно на нее смотрит! Мы тогда с девками поспорили: сойдутся — не сойдутся. Я тогда еще просто не знала, что они водолеи оба, тогда и спорить-то нечего. Притащила я как-то вишни стакан: «На мол, Ирочка, кушай!» потом собрали косточки от ее вишен — считали. Всё сошлось: поженились как вишня предсказала! В 1973-м!

ЛИЛИЯ. Вы серьезно верите в это?

ДИНА. Серьезнее некуда. Съешь вишни.

ЛИЛИЯ. Не хочу.

ДИНА. Съешь-съешь. Плод вишни — символ жизни и радости.

Лиля ест вишню.

ДИНА. Косточки вот сюда складывай. *(После паузы.)* Если хочешь узнать, суждено ли тебе вступить в брак и когда это случится, то, поев вишен, считай вишневые косточки, которые остались на твоей тарелке, и приговаривай: «В этом году, в будущем году, когда-нибудь, никогда». Последняя косточка даст тебе ответ. Ну же!

ЛИЛЯ *(перекладывает косточки, приговаривает)*. В этом году, в будущем году, когда-нибудь, никогда. В этом году, в будущем году, когда-нибудь... Никогда!

ДИНА. Вон под тарелкой одна еще.

ЛИЛЯ. В этом году... Дина Викторовна мы всю вишню извели, давайте лепить уже.

ДИНА. Ты в этом году выйдешь замуж.

ЛИЛЯ. Я не собираюсь замуж. Я никогда не выйду замуж. И год собственно заканчивается.

ДИНА. Лиля, я вот сейчас поняла, что должна успеть выдать тебя замуж, пока не умерла! Тебе сорок лет! Ты молодая женщина! Тебе надо срочно замуж и детей, пока не поздно! А ты вон портретами Витиными всё любишься...

ЛИЛЯ. Вы же знаете, как я его любила... Для меня лучше Вити нет мужчины на Земле!

ДИНА. Это да... Но его уже нет на Земле. А от портрета не забеременеешь.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, я вам надоела, да? Вы хотите, чтобы я уехала?

ДИНА. Я хочу, чтобы ты не осталась до конца жизни вдовой... Тебе еще надо успеть родить детей!

ЛИЛЯ. Я... я не могу предать вас...

ДИНА. Да кто я тебе?! Никто! Свекровь! Да еще и бывшая!

ЛИЛЯ. Да что с вами сегодня? Я вам мешаю, да?

ДИНА *(чуть не плачет)*. Да Я тебе мешаю, Я!

ЛИЛЯ. Как вы можете так говорить?! Если хотите знать, мне, может, больше ничего в жизни и не надо, кроме нашего абажура и этих вареников с вишней под ваши рассказы о Муравьевой, водолеях и стрельцах! И этот наш любимый круглый стол...

ДИНА. И мухи во фраках!

ЛИЛЯ. И мухи во фраках... Они, между прочим, спасители человечества! За что вы так не любите их?

ДИНА. Я как представляю, что именно они будут летать надо мной, когда...

ЛИЛЯ. Дина Викторовна! Они летают над, извините, говном, а вы — золотая женщина!

Сцена 6

Павел стоит у входа в театр.

ПАВЕЛ (*по телефону*). Меня Барклай на него вывел! Столько времени искал! (*Слушает.*) Ты не знала, я не знал — надо что-то делать сейчас, немедленно, пока я снова не упустил его! (*Слушает.*) Ты просто не понимаешь: для меня это вопрос жизни и смерти! А документы эти можно как-то переоформить? (*Слушает.*) Марина! А если я этот шанс упущу? Если просто не хватит денег? (*Замечает Лилю.*) Я буду третьего.

К нему подходит Лиля.

ПАВЕЛ. Какое счастье! А я уж и не надеялся!

ЛИЛЯ. Да, я тоже...

ПАВЕЛ. Пойдемте! Мой друг работает здесь администратором... У нас будут лучшие места!

Идут к окошечку кассы.

ПАВЕЛ. Как себя чувствует наш самец?

ЛИЛЯ. Уже воспитывает потомство!

ПАВЕЛ. Какой быстрый!

ЛИЛЯ. Ему положено! У него жизнь короткая. Две недели — и до свидания!

Павел ведет Лилю к окошечку кассы.

ПАВЕЛ (*в окошко*). Добрый вечер! Мне бы Михаила!

КАССИРША. Михаил ушел еще в четыре.

ПАВЕЛ. Ну тогда посмотрите, пожалуйста, контрамарку: он должен был оставить на имя Павла... На две персоны.

КАССИРША. Да нет, ничего не оставлял...

ПАВЕЛ. Странно. Сейчас позвоню ему... (*Набирает номер.*) Не отвечает...

КАССИРША. А он и не ответит: он зубы ставит.

ПАВЕЛ. Ну хорошо, давайте я тогда куплю билеты. Нам самые хорошие места...

КАССИРША. Могу предложить на двадцать второе, на двадцать девятое...

ПАВЕЛ. Какое двадцать девятое?! Нам на сейчас надо!

КАССИРША. На сейчас все куплено. Вы что, не видите? Аншлаг. Все билеты проданы.

ПАВЕЛ. Но ведь Михаил звал меня. Значит, какие-то места есть! Давайте я куплю их!

КАССИРША. Контрамарками не торгуем!

ПАВЕЛ. Послушайте! Я пришел в театр! На спектакль «Всё как у людей»! А попал на «всё как всегда»! Я с дамой пришел!

КАССИРША. Займитесь с дамой чем-нибудь другим! Касса закрывается. Шесть часов.

(Закрывает окошко.)

ПАВЕЛ. Неудобно как... Я готов сквозь землю провалиться от стыда!

ЛИЛЯ. Вы знаете, даже хорошо, что так получилось. У меня всё равно времени было только на один акт.

ПАВЕЛ. На какой?

ЛИЛЯ. На первый. У меня мама болеет...

ПАВЕЛ. Понимаю...

ЛИЛЯ. И вообще, я слышала, что спектакль не очень.

ПАВЕЛ. Правда?

ЛИЛЯ. Правда.

ПАВЕЛ. Надо же, а я наоборот слышал. А вы точно слышали?

ЛИЛЯ. Абсолютно.

ПАВЕЛ. Может, тогда и правда к лучшему...

ЛИЛЯ. Да.

ПАВЕЛ. Может, действительно тогда чем-нибудь другим займемся?

ЛИЛЯ. В каком смысле?

ПАВЕЛ. Ну пойдете в кафе или погулять можно. Хотя с моим везением не удивлюсь, если сейчас начнется буря, а все кафе вокруг окажутся закрытыми именно в этот час и эту минуту!

ЛИЛЯ. Почему?

ПАВЕЛ. Я страшно невезучий человек! Мне один раз повезло — вас встретил, а теперь опять так не везет, что, чувствую, в следующий раз вы уже не придете. И сейчас скажете, что вам надо идти.

ЛИЛЯ. Ну... Для вас это не новость, я же говорила вам... *(Идет.)*

ПАВЕЛ *(идет за ней)*. Лилия, не уходите! Первый акт ведь еще не прошел.

ЛИЛЯ *(на ходу)*. Вы женаты?

ПАВЕЛ. Скоро буду.

ЛИЛЯ. Ну удачи вам. *(Ускоряет шаг.)*

ПАВЕЛ. Спасибо! *(Бежит за ней.)*

ЛИЛЯ. Зачем вы идете за мной?

ПАВЕЛ. Ну как вам сказать. Вы мне очень нравитесь.

ЛИЛЯ. Может, расскажете тогда об этом своей невесте?

ПАВЕЛ. Так я и рассказываю. *(Улыбается.)*

ЛИЛЯ *(останавливается)*. Оригинальный способ. Вы становитесь мало похожи на невезучего скромника. Скольких вы так женили на себе?

ПАВЕЛ. Ни одной. Я никогда не был женат.

ЛИЛЯ. И детей нет?

ПАВЕЛ. А вам уже интересно?

ЛИЛЯ *(быстро)*. Нет.

ПАВЕЛ. Есть. Дети есть.

ЛИЛЯ. Не сходится.

ПАВЕЛ. Почему не сходится? Просто жениться надо на той единственной. Я не виноват, что встретил ее только вчера.

ЛИЛЯ. Я вам не верю. Как-то очень быстро у вас всё.

ПАВЕЛ. Послушайте, ваш мух уже воспитывает потомство — ему значит можно так быстро? ...Я еще ничего, но мне уже шестьдесят, если что. Ну то есть вы понимаете, времени у меня — как у ваших мух... Поэтому лучше соглашайтесь сразу.

ЛИЛЯ. Что вам нужно?

ПАВЕЛ. Я вообще не влюбчивый. Я приехал в Москву по одному очень важному делу. А встретил вас случайно и теперь не хочу уезжать без вас.

ЛИЛЯ. Без меня и пятерых моих детей?

ПАВЕЛ. У вас нет детей.

ЛИЛЯ. Слушайте, вы обо мне ничего не знаете. Я о вас — тоже. Я не собираюсь никуда уезжать. И вообще...

ПАВЕЛ. Я не богат. Более того, мне катастрофически не хватает денег. На одно по-настоящему важное дело.

ЛИЛЯ. При чем тут я?!

ПАВЕЛ. Без пяти минут жене я могу признаться. Я же не прошу у вас денег, я просто хочу признаться.

ЛИЛЯ *(смеется)*. А вы забавный.

ПАВЕЛ. Я вы еще не знаете какой! Так куда мы идем?

Лиля некоторое время пристально смотрит на Павла, словно принимает жизненно важное решение.

ЛИЛЯ. Так. На спектакль нас не пустили. Денег на кафе у вас нет, а друг-директор ресторана «Элит» нас не угостит, потому что он умер четыре года назад. Вы отличная партия.

ПАВЕЛ. Я действительно отличная партия. И деньги у меня есть. Большой суммы для важного дела нет, а вообще есть.

ЛИЛЯ. Этих денег хватит, чтобы попасть в театр? Не на спектакль, а просто в театр? На второй этаж. Мне надо сделать одну фотографию. И тогда у меня появится больше времени.

ПАВЕЛ. Идёт!

Сцена 7

Квартира Дины. Дина сидит на тахте с телефонной книгой в руках. Включает телефон, набирает номер.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Алло? Алло? Ну алло же! Придурки!

Дина бросает трубку.

ДИНА. Хамка. Жена, наверное. А может, все-таки внучка?.. В принципе ее можно понять — звонят и молчат. Вывели просто. Не факт, что хамка, выходит.

Комната начинает заполняться людьми. В кресле — пожилой мужчина с газетой в руках. Недалеко от него — под стеклом — жилет Гоголя. Входят 17-летний юноша и 13-летний подросток, молча садятся за стол.

Следом в комнату входит Вера, в ее руках небольшая кастрюля, через крышку которой пробивается пар.

ВЕРА. Борщик.

В комнату входит Дина с половником, протягивает его Вере (на Дине платье из той же ткани, что и домашний халат Дины Викторовны).

ДИНА. Половник.

Вера наливает всем борщ.

ЮНОША. Я не хочу.

ДИНА. А что ты хочешь?

ЮНОША. На концерт «Битлз» хочу.

ДИНА. Ну вперёд.

ЮНОША. А чего, мать? Ты же всеильная, тебя все знают. Так сказать широко известна в узких кругах. Ирина Петровна говорит — ты что угодно и кого угодно из-под земли достанешь. Достань мне билет на «Битлз», а?

ДИНА. Я в Советском Союзе работаю. Слава богу.

ЮНОША. Кому слава?

ДИНА (*Вере*). Включи радио.

Вера включает радио, загорается огонек, звучит романс Шельменко «Люблю я» в исполнении Леонида Утёсова.

ЮНОША. Фу, щас стошнит. Выключи, Вер.

ДИНА. От чего тебя стошнит?

ЮНОША. От Утёсова твоего. Как это слушать вообще можно. (*Передразнивает украинский вариант фрикативного «г».*) Любоу нэ галушка, любоу нэ горилка... Тьфу! (*Напевает песню «Битлз» — «Love me do».*) Лав, лав ми ду, ай ноу ай лав ю!.. Вот это я понимаю.

ВЕРА. Здесь любоу, там ноу — сильно большая разница?

ЮНОША. Сильно.

ДИНА (*пожилому мужчине*). Отец, может, ты что-нибудь скажешь внуку? Что ты уставился в свою газету?

МУЖЧИНА (*читает*). Первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова совершила полет в космос на космическом корабле «Восток-6». Полет проходил с 16 по 19 июня, его продолжительность составила двое суток 22 часа 50 минут.

ДИНА. Это всё, что тебя волнует?!

МУЖЧИНА. Ну кого-то театр волнует, кого-то — обстановка в мире.

ЮНОША. Тут только дети никого не волнуют.

ДИНА. Ребенок нашелся! Великовозрастный! Семнадцать лет стукнуло, а разговариваешь как десятилетний сопляк. ... Не волнуют — это Ковалёвых не волнуют. Дети их трезвыми никогда не видят!

ЮНОША. А мы тебя в принципе не видим.

МУЖЧИНА. Великая женщина.

ВЕРА. Кто?

МУЖЧИНА. Терешкова. Кто.

ПОДРОСТОК (*целует Веру*). Спасибо. Вкусный борщ.

Подросток убирает за собой тарелку и уходит из-за стола. Мужчина ест, не отрываясь от газеты и не глядя на еду. Вера ест быстро, не глядя по сторонам. Юноша сидит за столом, скрестив руки на груди. Дина собирает листы в папку, встает и уходит. Дина Викторовна отчаянно преграждает ей путь, Дина проходит «сквозь» нее и закрывает за собой дверь. Дина бросается к двери, открывает ее, за дверью стоит Екатерина

Ивановна.

Герои из прошлого исчезают.

Сцена 8

ДИНА. Ты что тут делаешь?

ЕКАТЕРИНА. Я? Колеблюсь.

ДИНА. Заколебала ты, Катя. Проходи.

ЕКАТЕРИНА. Как пробки? Поменял всё Алёша?

ДИНА. Поменял, спасибо.

ЕКАТЕРИНА. Пожалуйста.

Молчат какое-то время.

ЕКАТЕРИНА. Дин, пригласи нас на ужин как-нибудь, а? Вдруг выйдет чего?

ДИНА. Могу на похороны пригласить. Катя, ты придешь ко мне на похороны?

ЕКАТЕРИНА. Конечно, приду. Вот поженятся Алеша с Лилей — станем с тобой двоюродными свекровьями! Ну как не прийти на похороны к двоюродной свекрови?! За тобой уже и место заметано?

ДИНА. Какое место?

ЕКАТЕРИНА. Ну участок на кладбище.

ДИНА. Нет.

ЕКАТЕРИНА. Ой, а еще помирать собралась. Несерьезный подход, Дина! Вот я купила уже. На Домодедовском. Рекомендую.

ДИНА. Я там никого не знаю.

ЕКАТЕРИНА. А туда и не попадешь просто так. Там только в семейные участки добавляют родственников.

ДИНА. Я то есть не знаю никого, кто похоронен там.

ЕКАТЕРИНА. Да у нас все там наши.

ДИНА. Кажется, Инна Гулая там похоронена. Жена Шпаликова.

ЕКАТЕРИНА. Это из третьего подъезда который?

ДИНА. Ты что, не знаешь, кто такой Геннадий Шпаликов?!

ЕКАТЕРИНА (*хватается за голову*). Идиотка! Из второго подъезда?

ДИНА (*после паузы*). В общем, из второго, да.

ЕКАТЕРИНА. Ну насчет его жены не знаю, но дед Матвей мой там похоронен — это точно. Баба Таня, тетя Муся, тетя Рита...

ДИНА. Ну понятно, да.

ЕКАТЕРИНА. А твои на каком?

ДИНА. На Хованском. Но там места нет. Я там для себя приберегла кусочек возле своих, но кто бы знал, что Витя его займет...

ЕКАТЕРИНА. А ты определяйся, Дина. А то похоронят где-нибудь... Выбирай, что по душе, пока душа... не того.

ДИНА. Мне Ваганьковское по душе. Пока ноги ходили, я туда частенько ездила. К Высоцкому, Есенину, Окуджаве...

ЕКАТЕРИНА. Замахнулась. Туда чтоб попасть, всю жизнь копить — не накопишь.

ДИНА. Туда чтоб попасть — надо Высоцким быть, Есениным, Окуджавой...

ЕКАТЕРИНА. Да, там партер весь разобрали. Если места и остались, то где-нибудь на галерке.

ДИНА. Понимаешь, Катя, какое дело. Они-то гении, конечно, это да, но есть ведь люди, события, случаи, без которых этих людей не состоялись бы вовсе.

ЕКАТЕРИНА. Ты про себя что ли?

ДИНА. У меня Люда — подружка — вторым режиссером работает. Всё везет на себе, всё! Режиссер придет, поорёт, руками помашет, а второй — всё делает. Договориться, найти, уладить, подогнать графики, настроить артистов, всех проконтролировать... Бывает, и сценарий режиссерский правит! Людка даже надпись на надгробии придумала для всех вторых режиссёров: «Он всегда был вторым, а умер первым». Это про нас, Катя! Про

вторых режиссеров в кино и администраторов в театре. Понимаешь, Катя? Вот выступает оперный певец известный, или эстрадный, или спектакль на сцене идет с артистами известными, — все восхищаются тем, кто на сцене. И никому в голову даже не придет, что существует маленькая скромная должность администратора, у которого бесчисленное количество обязанностей. И без четкой работы этого администратора черта с два вы будете восхищаться этими артистами. А нас, Катя, нас даже в афишу никогда не вписывали, ни малюсеньким шрифтом в последнюю строчку даже — никогда!!! В газетной рецензии упоминали, только если отчитать надо было администрацию за оплошность какую-нибудь... А если всё отлично — спасибо артистам! Я, понимаешь, Катя, я на надгробия как на афиши смотрю. Вот то же самое — одна фамилия, а сколько за этой фамилией других фамилий, — один только администратор знает! Могилы знаменитостей цветами всегда завалены, а администраторов наших — спасибо, если раз в год от Союза театральных деятелей приезжают убрать, обновить.

ЕКАТЕРИНА. Значит, ты на Ваганьковское собралась?

ДИНА. Я просто говорю, что нравится мне там. Хотя я бы с удовольствием устроилась в ноги у Буркова. Ох ты, господи. Все там: Миронов, Вицин, Филатов... А я ведь с Лёней хорошо знакома была...

ЕКАТЕРИНА. С каким Лёней?

ДИНА. С Филатовым.

ЕКАТЕРИНА. А.

ДИНА. Даже шутка такая есть в театральных кругах: «Где в Москве лучшая труппа?» — «На Ваганькове».

ЕКАТЕРИНА (*подходит к телефону*). А я-то думаю, чего дозвониться до тебя не могу!

Екатерина Ивановна включает телефон в розетку. Тут же раздается телефонный звонок.

ДИНА (*вскрикивает*). Это Кобзон! Не трогай.

ЕКАТЕРИНА. И-иосиф?..

ДИНА. А какой еще.

Екатерина Ивановна смотрит на Дину как на душевнобольную. Звонки прекращаются.

ДИНА. Выдерни из розетки!

Екатерина Ивановна выдергивает шнур.

ДИНА. Ну всё.

ЕКАТЕРИНА. Повздорили?

ДИНА. Типа того.

ЕКАТЕРИНА. Резкая ты женщина, Дина.

ДИНА. А представляешь, Катя, записку предсмертную оставить: «Завещаю похоронить меня рядом со Станиславским!» А если не похоронят — грех на душу возьмут, это ведь грех — последнее желание человека не выполнить.

ЕКАТЕРИНА. А если каждый завещает — себя возле Ленина?

ДИНА. Ну с Лениным — это уж слишком. А вот со Станиславским... Я его еще застала... Кто знает, что у меня с ним было, что связывает?

ЕКАТЕРИНА. А что у тебя... со Станиславским было?

ДИНА. Да ничего не было. Это я так, для примера. *(После паузы.)* Мда. Надо выбрать кладбище, на котором хочешь быть похороненным, а потом работать на это. Всю жизнь.

ЕКАТЕРИНА. Что правда, то правда. Я за свое место сто сорок тыщ отдала.

ДИНА. Сколько?!

ЕКАТЕРИНА. Сто сорок.

ДИНА. Это на Домодедовском?! Сколько ж тогда стоит на Ваганьковском лежать простым смертным...

ЕКАТЕРИНА. Ну если продать квартиру, тогда, думаю, хватит. Так сказать сменить один дом на другой.

ДИНА. Всё, Катя, решено: я никогда не умру.

ЕКАТЕРИНА. Дин, ты не горячись!

ДИНА. Пошли пить чай без сахара и без шоколадных пирожных с клубничной начинкой!

ЕКАТЕРИНА. Чего так?

ДИНА. Будем соблюдать диету — дольше проживем.

Дина включает чайник, везде гаснет свет, появляется дым. В полной темноте слышны только голоса Дины и Екатерины Ивановны.

ДИНА. Это пробки!

ЕКАТЕРИНА. Это пожар, Дина!!! Быстро! Хватай паспорт и побежали! Что ты копаешься?

Где у тебя паспорт?

ДИНА. Зачем мне паспорт? Паспорт восстановить можно, а кто мне фотографию с Лещенко восстановит? ...Господи, только не сейчас! Я же еще не выбрала... Катя, скажи всем, чтобы похоронили меня на Ваганьковском!

ЕКАТЕРИНА. Дина, если я сгорю из-за твоего Лещенко, тогда некому будет передать твое пожелание! Быстро!

Раздается треск и грохот, дыма становится больше.

ЕКАТЕРИНА. Гориим!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ИНТЕРМЕДИЯ

Занавес закрыт.

На авансцену выходит аукционист.

АУКЦИОНИСТ. Дамы и господа! Сегодня схватка среди присутствующих будет не на жизнь, а на смерть! Лот первый и единственный! Жилет, который носил известный писатель Николай Васильевич Гоголь будучи в первом классе гимназии! Начало девятнадцатого века. Жилет имеет экспертное заключение «Гознака», а также полную историю всех его перемещений и владельцев. *(Читает.)* Иван Григорьевич Дьяков, приятель Анны Васильевны Гоголь, полтавский старожил девятнадцатого столетия, служил по земельным учреждениям и составил себе репутацию безупречно честного человека. Сохранились точные сведения о двух местах его жительства в Полтаве: улица Александровская, угол Сенной площади, дом Зикеева и Сенная площадь, дом Абазы (в то время красный кирпичный двухэтажный дом, находился недалеко от поворота с Александровской улицы на Сенную площадь вправо). Жилет Николая Васильевича Гоголя, полученный Иваном Григорьевичем Дьяковым от Анны Васильевны Гоголь, перешел по наследству к сыну Ивана Григорьевича — Якову Ивановичу, служившему в Полтавском отделении крестьянского банка при управляющем Квитке. Яков Иванович подарил жилет двоюродному брату Георгию Николаевичу Манжосу, преподавателю русского языка и словесности при рижских и полтавских гимназиях, и тогда жилет Гоголя перевезен был из Полтавы в Митаву, а после — в Ригу. Период пребывания жилета Н. В. Гоголя в Риге был весьма тревожным в отношении военных событий. Дом, находившийся

напротив квартиры Манжоса, был взорван бомбой вместе со всеми членами проживавшей в нем семьи. Осколки бомбы разбили окна квартиры Манжоса, повредили разные вещи и в том числе разбили стекло рамы, в которой находился жилет Н. В. Гоголя. Жилет, к счастью, не пострадал. Вскоре Георгий Манжос переехал сначала в Тулу, где служил заведующим театром Дома Просвещения, а затем в Харьков для разработки вопроса о художественном воспитании. Таким образом, жилет Николая Васильевича Гоголя пробыл два года в Туле, три с половиной года в Харькове, после чего прибыл в Москву. В течение всего времени пребывания своего в Туле и Харькове Георгий Николаевич Манжос с жилетом Николая Васильевича Гоголя не расставался. В Москве, в связи с тяжелым материальным положением, жилет Гоголя был продан некому Федосею Брежневу, род занятий и дальнейшая судьба которого неизвестны». Сегодня вы можете войти в историю и пополнить список владельцев знаменитого жилета знаменитого писателя! Итак, жилет Николая Гоголя, начало девятнадцатого века, начальная цена двести тысяч рублей! Кто больше?

Эхом звучат голоса из зала.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Двести двадцать! Двести пятьдесят! Триста! Триста десять! Триста пятьдесят! Триста восемьдесят! Пятьсот! Шестьсот! Шестьсот сорок! Семьсот! Семьсот пятьдесят! Восемьсот тысяч!

Аукционист скрывается, слышен только его голос.

АУКЦИОНИСТ. Восемьсот тысяч раз, восемьсот тысяч два...

Занавес открывается.

Сцена 9

Квартира Дины. За столом сидят Дина, Екатерина и Алёша.

ЕКАТЕРИНА. Дина, а вот если бы Алёша не пришел раньше с работы?! Нет, ну ты только подумай!

ДИНА. Даже думать не хочется.

ЕКАТЕРИНА. Умница, Алёша! Вот что значит мастер! И квартира не сгорела, и старушки уцелели!

АЛЁША. Да ладно, чё там.

ДИНА. Салат накладывайте.

ЕКАТЕРИНА. Премию вчера получил Алёша, сказали, что особо ценный сотрудник!

ДИНА. Вот это да! Поздравляю тебя — от всего сердца! От всего своего большого сердца, сколько ему еще осталось... Вчера пришел результат узи левого клапана — вообще ни к черту. Если бы не Лиля — померла бы уже давно, я без нее никуда. Да. Молодец, Алёша! Когда ценят — что может быть ценнее!

Входит Лиля.

ЛИЛЯ (*удивлена*). О, здрасьте!

Екатерина Ивановна и Алёша кивают.

ДИНА. Лиль, часа полтора прошло часа три назад...

ЛИЛЯ. Я в театре эстрады была, я же вам говорила! (*Протягивает Дине телефон.*) Вы об этой фотографии говорили?

Дина смотрит в экран телефона.

ДИНА (*в восторге*). Она! Я же говорила! Вот тут как раз и есть я!

ЕКАТЕРИНА (*заглядывает в телефон*). Тут же мужики одни.

ДИНА. Тут не просто мужики, тут Утёсов еще!

ЕКАТЕРИНА. А он что, не мужик?!

ДИНА. Ну грубо как-то просто на него — мужик. Он... особенный! Он легенда.

ЕКАТЕРИНА. Дин, ну пИсал он стоя или сидя?

ДИНА. Катя!!!

ЕКАТЕРИНА. Стоя! Значит, мужик!

ДИНА. Они вон все стоя писают, а мужика среди них днем с огнем не сыщешь.

Все смотрят на Алёшу. Он сконфужен и хватается за первый попавшийся салат.

ЕКАТЕРИНА (*смотрит на фото, Дине*). Так где тут ты?

ДИНА. Вот прямо за тем баянистом!

ЕКАТЕРИНА. Я вот так и подумала. Запястье твое выглядывает.

ДИНА (*восторженно*). Ты узнала, да?

ЕКАТЕРИНА. Ну конечно, твое запястье трудно не узнать.

ДИНА. Спасибо, Лилечка! (*Целует экран телефона*).

ЕКАТЕРИНА. Там микробы, Дина. Сотовый — третий рассадник заразы после тележки в супермаркете и денег. Здравствуй, инфекционка!

ДИНА. Инфекционка. Знала бы ты, сколько у меня связано с этой фотографией!

ЕКАТЕРИНА. Я знаю, сколько дряни цепляется в нашем возрасте!

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, вы обогреватель выключите пока: я чайник включу.

ЕКАТЕРИНА. Да можешь включать хоть всё сразу — у вас же Алёша в гостях, он починит. Да, Алёша?

Лилия отключает обогреватель и включает чайник, затем садится за стол.

Екатерина Ивановна и Алёша едят.

АЛЁША. Ну вообще-то, с этим как бы лучше не шутить. Вам бы проводку поменять.

ЕКАТЕРИНА. А то бац как сегодня — и пожар! Если бы не Алёша, ночевали бы сегодня на вокзале.

ЛИЛЯ. У нас что, был пожар?!

ДИНА. Ох, пожар-пожар! Знали бы вы, что стряслось во МХАТе в сезоне 1922-23 годов!

(Лилия не успевает поднести вилку ко рту.) Лилечка, запиши, пожалуйста, это важно.

Лилия оставляет еду и садится за ноутбук.

ДИНА. Этот случай познакомил меня с непревзойденным Федором Николаевичем Михальским!

ЕКАТЕРИНА (*жует*). Кто такой?

ДИНА. Ой, его вся Москва знает! Это же выдающийся администратор!

ЕКАТЕРИНА (*жует*). Администраторы бывают выдающимися?

ДИНА. Безусловно. *(После паузы.)* Он спас мне жизнь!

ЕКАТЕРИНА. Ну тогда действительно выдающийся.

ДИНА. Сам театр как раз гастролировал в США. В Москве оставалась группа молодых артистов, у них в репертуаре был спектакль «Синяя птица». 17 декабря 1922 года во время утреннего спектакля в дальних артистических комнатах от короткого замыкания проводок

стали тлеть ветхие стены, от них загорелись костюмы. Возгорание заметили только после того, как дым проник в артистические уборные. На сцене шло Лазоревое царство — Тильтиль и Митиль искали там синюю птицу, хор матерей встречал рождавшихся детей...
ЕКАТЕРИНА. Ты так рассказываешь, будто была там.

ДИНА. В том-то и дело! Слушайте. Дым проник на сцену, он сливался с тоном декораций, поэтому никто ничего не понял. Объявить о пожаре зрителям, среди которых было много детей, было рискованно. Еще более рискованным было умолчать о случившемся. Угрожающее обстоятельство застало врасплох всех сотрудников, но администратор театра Фёдор Николаевич Михальский молниеносно принял решение: спектакль продолжать и не оповещать о случившемся переполненный зрительный зал. Вызвали пожарную городскую часть. Быстро приняли меры. Михальский распорядился завесить шторами окна в фойе, чтобы зрители в антракте не смогли увидеть у театра любопытствующую толпу. Еще велел запереть входные двери в театр, чтобы случайно вбежавший человек не вызвал паники... После антракта пожар был потушен, и после окончания спектакля зрители спокойно разошлись по домам, даже не подозревая о случившемся. Через несколько дней за кулисами театра была вывешена благодарность всему персоналу театра за мужественное поведение в тревожные минуты! Отдельную благодарность повесили Федору Николаевичу!

АЛЁША *(жуёт)*. А если бы он заморил всех людей там?

ЕКАТЕРИНА *(жуёт)*. Повесили бы Федора Николаевича.

АЛЁША. Не, ну правда. Спорно как-то. Двери-окна закрыты... Как бы не по технике безопасности. Компот вкусный, кстати.

ДИНА. Так вот в этой благодарности сам Владимир Иванович Немирович-Данченко отметил... Тут в кавычки возьми, Лиля, это дословно. «Предприимчивость, энергию, мудрость, решимость всеми нами любимого Федора Николаевича Михальского, который отстранил в театре панику, чем, может быть, спас много жизней». *(Лилия закрывает ноутбук и направляется к столу.)* Но это еще не всё! *(Лилия возвращается к ноутбуку.)* Через месяц на имя Михальского из Нью-Йорка пришло письмо, в котором вся труппа МХАТа горячо благодарила дорогого Федора Николаевича за исключительную энергию и талантливую распорядительность, благодаря чему здание МХАТа было спасено от пожара и вся многочисленная публика избежала паники и всех ужасных ее последствий. Много теплых слов, полных любви и признательности, было произнесено в адрес Федора Николаевича Михальского в этом исключительно теплом послании. Например, «Обнимаю дружески, любовно, верю и надеюсь, душевно ваш К. Станиславский». Или: «Не забудем, дорогой. О. Книппер». Или: «Обнимаю вас, милый человек, сердечной любовью. В.

Качалов». Еще: «Спасибо дорогому братцу Федору. Братчик федоровской общины И. Москвин». Еще: «Желаю счастья и радости. Н. Литовцева». Далее идут подписи известных артистов МХАТа: П. Бакшеев, А. Вишневский, В. Грибунин, Б. Добронравов, В. Ершов, Л. Леонидов, В. Пашенная, Н. Подгорный, М. Тарханов, А. Тарасова, Ф. Шевченко.

ЕКАТЕРИНА. Ты письмо наизусть знаешь?

ДИНА. Я была лично знакома с Федором Николаевичем, он очень ценил меня и не раз показывал мне это письмо! Заканчивалось оно пожеланием Федору Николаевичу здоровья, счастья и благополучия. Вот.

АЛЁША. Лиля, а вы...

ДИНА (*перебивает*). Но вот теперь самое интересное! Я совсем крохой была на том самом спектакле в тот злополучный день, представляете? Точного числа я, разумеется, не знала, но я точно запомнила небольшую дымку на сцене. Значит, это было именно в тот день! Это уже потом я узнала, что был пожар. Так я и познакомилась с Федором Николаевичем. Пришла, говорю: «Спасибо, Федор Николаевич, вы спасли мне жизнь!»

Все молчат. Лиля садится за стол. Едят.

ДИНА. Федор Николаевич был настоящим человеком театра. Порядочный, добросовестный, эрудированный.

ЕКАТЕРИНА. Эрудированные в цэка сидели.

ДИНА. Эрудированные по лагерям сидели, в цэка одни сволочи были, прости господи. Ты себе, Катя, представить не можешь, что такое администратор — неэрудированный случайный человек! Было у нас однажды. Выходит на сцену, объявляет: «А теперь вашему вниманию предлагается «Приглашение к ужину» Карла Вебера!»

Все молчат.

ДИНА. Кошмар! Ну зал хохочет, конечно. Да. А он понял, что не то что-то сморозил, и быстро исправился: «Простите! Вашему вниманию предлагается «Приглашение к обеду» Карла Вебера».

Все молчат.

ДИНА. Ну зал, понятно, опять хохотать. Этот неуч уже, конечно, понимает, что не то ляпает, а что именно — не понимает! Если бы не вышел сам исполнитель и не объявил «Приглашение к танцу», так и стоял бы этот несчастный администратор до ночи под хохот публики!

ЕКАТЕРИНА. Алёша, ты хотел что-то спросить у Лили?

ДИНА. Алёша, а почему тебя зовут Алёша? Тебе же уже за пятьдесят?

ЕКАТЕРИНА. Ему под пятьдесят, Дина! Это две большие разницы.

ДИНА. Две большие разницы — это пять и пятьдесят, это да. В пять еще называют Алёшами, а в пятьдесят — ну я не знаю. Не представляю себе, как Алексея Владимировича Баталова кто-то из наших Алёшей бы назвал. Хотя мы с ним близко общались. Алексей — красиво. Лёша на худой конец. Но почему Алёша?

АЛЁША. Называйте меня Лёша. *(Лиле.)* А чё вы всё записываете, Лиля?

ДИНА *(Лиля не успевает рта открыть)*. Потому что я собираюсь издать театральную книгу своих воспоминаний. Через мою жизнь прошло очень много знаменитых людей. Каждый день Лиля записывает за мной мои воспоминания. Если бы не Лиля, я бы никогда этого не сделала. Я просто не представляю, что бы я без нее делала...

Лиля встает, заваривает чай, отключает чайник, включает обогреватель, замечает отключенный шнур телефона и тянется к нему.

ЕКАТЕРИНА *(кричит нарочито громко)*. Не трогай! У неё там Кобзон!

Лиля вопросительно смотрит на Дину. Дина кивает. Лиля возвращается на свое место.

ЕКАТЕРИНА. Они повздорили. Бывает.

АЛЁША. Дина Викторовна, а вы всех звёзд знали, да?

ДИНА. Я еще не умерла, Алёша! Я и сейчас их знаю.

АЛЁША. Да меня же Лёшей можно. Ну я в смысле — работали. Вы же сейчас на пенсии...

ДИНА. Бывших администраторов, как и бывших артистов, не бывает. Звёзд!.. Да я со Сталиным почти разговаривала!

ЕКАТЕРИНА. Как это — почти?

ДИНА. Алёша, ты читал «Золотой ключик»?

АЛЁША. Мам, читал?

ЕКАТЕРИНА. Слушал.

ДИНА. Так вот написал это чудо Алексей Николаевич Толстой специально для моего театра! В 1936 году была прекраснейшая постановка — можно сказать, начало детского театра в Советском Союзе!

ЕКАТЕРИНА. И Сталин смотрел «Золотой ключик»?

ДИНА. Нет, просто Толстой был дружен со Сталиным. В один вечер Алексей Николаевич зашел ко мне в администраторскую обсудить панталоны Мальвины и сказал, что три часа назад разговаривал со Сталиным! Вы понимаете?! То есть три часа назад он дышал одним воздухом с вождем, а сейчас — выдыхает мне в мою администраторскую весь тот воздух, которым надышался у него! Получается, что я дышала одним воздухом с Иосифом Виссарионовичем! Потом неделю не проветривала. Захожу в свою администраторскую — воздух спёртый, а коленки подкашиваются.

ЕКАТЕРИНА (*иронично*). Иосиф — это имя буквально преследует тебя по жизни.

ДИНА. Думаю, Иосифа Виссарионовича познакомили со мной заочно, когда он принимал решение о переезде детского театра. Я в этом вопросе сыграла можно сказать главную роль! ...Однажды к нам в театр внезапно нагрянули правительственные гости. Шёл спектакль «Негритёнок и обезьяна». Алёша...

АЛЁША (*быстро*). Не читал.

ДИНА. Ты рулетики-то кушай, я хотела сказать. (*Алёша берёт все рулетики.*) Гости, значит, нагрянули, а в театре ни Наталии Ильиничны, ни зама ее Шмитько — никого. Принимаю их всех, и тут вдруг один спрашивает, не тесновато ли нам. Ну я сказала, что не то слово тесновато, что помещение для детского театра вообще не приспособлено, хорошо бы — говорю — новое здание, хорошее. Сказала — а сама в тот же день вещички в тюрьму собираю. Алёша, ты был в тюрьме?

АЛЁША. Не приходилось, слава Богу.

ДИНА. А мне приходилось. Намучилась так, что врагу не пожелаю. Боже тебя упаси от тюрьмы, Алёша. Меня в тот раз Бог миловал: вместо тюрьмы отправил в самое сердце Москвы — нашему театру дали здание бывшего второго МХАТа! Возле Большого театра прямо напротив Малого. Немыслимо просто! Детки тут же окрестили нас «большим театром для малых ребят». В самую точку! Да, детвора толпами всегда к нам ходила.

АЛЁША. А я вот никогда театр не любил. Нас взашей гнали туда классом, а толку? Мы там с галерки пулялись шариками из бумажек в трубочки.

ДИНА. А нам потом драй три часа партер от ваших шариков. Самое ужасное для администраторов, уборщиц, артистов и вообще всего театра — это спектакли, выкупленные школами! Неужели тебе никогда не были интересны страдания Гамлета?

АЛЁША. «Быть или не быть» в смысле? Да как-то... Мы на уроке все рассказывали это быть или не быть. Форманчук рассказал, Андреев рассказал, Потапов рассказал, а потом иди еще слушай, как этот... с Ленкома тебе это рассказывает...

ДИНА. «Этот с Ленкома» — правильно «из Ленкома»! — это великий Анатолий Алексеевич Солоницын!

АЛЁША. Да я их не различаю. Быть или не быть — меня вообще это не колышет, я не принц и не решаю мировых вопросов, меня тогда больше волновало — Воробьеву или Коновалову закадрить. Вот если бы придумали великие такой монолог... Страдания восьмиклассника: ну кого же всё-таки — Воробьеву или Коновалову, я бы первый его выучил и слушать пошел бы в театр. А тут... Еще и слушай его везде. Что в театре этот монолог, что в школе, в книжке он напечатан. Зачем так много? Какой смысл?

ДИНА. Как тебе объяснить, Алёша. Вот у тебя какое любимое блюдо?

АЛЁША (*расплывается в улыбке*). Пирог мамин люблю с рыбкой.

ЕКАТЕРИНА (*с умилением*). Ты мое солнышко.

ДИНА. А в столовке вашей такой же вкусный пирог, как у мамы?

АЛЁША. Вы чё, смеетесь? Жрать невозможно, то есть кушать.

ДИНА. Вот представляешь, Алёша, какие дела. А ингредиенты-то те же! Яйца, соль, сахар... Что там еще?

ЕКАТЕРИНА. Мука еще, молочко, дрожжи — я на дрожжевом делаю! Рыбка — Алёша любит, когда семга с осетриной вместе, лук туда, чесночок, стакан риса.

ДИНА. Так вот и в столовке рецепт такой, только там белки отдельно от желтков никто тебе не взбивает, тесто покупное, а не маминими руками добрыми сделано, рыбка какой-нибудь последней свежести, и вряд ли там кого-то интересует, что осетрина в сочетании с семгой тебе особенно нравится, так ведь?

АЛЁША. Ну.

ДИНА. Так вот Форманчук твой вместе с Андреевым и Потаповым — это считай пирог из столовки, а Солоницын — мамин пирог. Понимаешь?

АЛЁША. Ну так...

ДИНА. Не, не так, Алёша. Представь себе, что тебе сейчас рот открыли и забросили туда яйца сырые, сахар всыпали, муку, рыбу сырую, рис не сваренный... вкусно?

АЛЁША. Фу.

ДИНА. Вот это так же, когда весь твой класс вместе с тобой, шариками и трубочками «Быть или не быть» рассказывает. Понимаешь? Ингредиенты те же, а на вкус — ну совсем не мамин пирог!

ЕКАТЕРИНА. Можно, кстати, гречку вместо риса, тоже вкусно. Только ее надо на бульоне варить, который от рыбы остался, — пальчики оближешь!

АЛЁША (*Дине*). Вы прям как эта психологиня из «Понять, простить» пример приводите, сразу понятно всё.

ДИНА. Тебе-то не сразу понятно стало, значит, я не достойна такого сравнения.

Все молчат.

ЕКАТЕРИНА. И как ты, Динуль, всё в жизни успевала — театры, гастроли, Кобзоны, сыновья...

ДИНА. Тут, к сожалению, как с нашими пробками. Что-то одно. Как только уделяешь внимание чему-то, кроме театра, — вылетаешь с работы как пробка! Театр размена не прощает...

ЕКАТЕРИНА. А у меня муж размена не прощал. Семья, всё в семью. Не дай бог от подружки опоздала бы на минуту или суп к обеду не приготовила — летела бы как твоя пробка.

ДИНА. Лев наверное?

ЕКАТЕРИНА. В некотором роде...

ДИНА. По гороскопу лев я имею в виду.

ЕКАТЕРИНА. А, нет. По гороскопу водолей и зайчик, но если суп не приготовила — тогда песец.

ДИНА. Лучше не иметь никакого мужа, чем иметь мужа-тирана...

ЕКАТЕРИНА. Лучшие билеты раскупили до нас! Кому-то вон контрамарки по блату достаются на всю жизнь, а у меня — всю жизнь на галерке, в последнем ряду. Это у тебя, Дина, Солоницыны с Кобзонами, а я дочь танатокосметолога!

ДИНА. Это кто?

ЕКАТЕРИНА. Это который макияж покойникам делает. Я за это матерью своей брезговала всегда. Дотрагиваться до себя не давала. Как подойдет поцеловать на ночь, так я от нее шугаюсь, представляю, как она только что этими руками лицо покойника разглаживала... Стряпню ее есть не могла... Стыдно, конечно. Мать все-таки. Но я в пятнадцать лет сквозанула замуж за тирана своего. Пусть, думаю, лучше такой, но только чтоб не покойники мельтешили перед глазами.

ДИНА. Алёша, а ты кто по гороскопу?

АЛЁША. Кто я, мам?

ЕКАТЕРИНА. Весы он. Он не увлекается гороскопами.

ДИНА (*хватается за голову*). Катя!!!

ЕКАТЕРИНА. Что?

Дина что-то шепчет Екатерине Ивановне на ухо, та мгновенно «скисает».

ЕКАТЕРИНА. Что, вообще?!

ДИНА. Категорически!

ЕКАТЕРИНА. Ну бывают же исключения!

ДИНА. Не бывает! Открой любой справочник!

ЕКАТЕРИНА. Пойдем, сынок. Поздно уже.

Екатерина Ивановна и Алёша встают и идут к выходу.

ЛИЛЯ. До свидания.

АЛЁША (*смеется*). До пробок.

Екатерина Ивановна и Алёша уходят. Дина убирает посуду. Лиля подходит к пробиркам с мухами.

ЛИЛЯ (*вскрикивает*). Что это такое?!

ДИНА. Ну что-что, Катя хочет, чтобы ты вышла за него замуж. Я тебя прошу: только не за него, Лилечка! Да, он не дал нашей квартире сгореть. Но он невежа, тряпка и весы! Я тебя умоляю!

ЛИЛЯ. Я про мух спрашиваю! Что у них в пробирках? Пирожные?! Сервелат?! Откуда это взялось?

ДИНА. Лилечка, не будь извергом! Им жить-то всего две недели, а ты их пичкаешь всякой гадостью! А потом эфиром — и в морилку! Пусть они проживут эти две недели достойно!

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, это же не шутки, это наука! Вы же знаете: кукурузная мука, дрожжи, солодовая добавка и свекольный сироп, и ничего более — я варю это каждый день!

ДИНА. Ты сама пробовала эту гадость? Это же не то что есть — нюхать невозможно!

ЛИЛЯ. Каждый день я добавляю туда разные вещества, которые требуются для эксперимента. Разные вещества, но только не пирожные и не сервелат, Дина Викторовна! А те, которые вызывают нужные мутации!

ДИНА. Чтобы их мутило?! Неужели у тебя нет ни капли сострадания к ним? Ну что будет от кусочка сервелата, кроме того, что твоим мухам хоть будет что вспомнить!

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, я вывожу инбредные, чистые линии! Какой сервелат?!

ДИНА. Дымовский! Самый вкусный! Да что тебе говорить: тебе что мухи, что люди! Скоро ты и меня будешь держать на кукурузной муке и свекольном сиропе!

ЛИЛЯ. Между прочим, кукурузная мука, разведенная в теплой воде, понижает давление!

ДИНА. Вот! А что я говорила! Ни капли сострадания!

Дина выходит из комнаты. Загорается свет в соседней комнате.

ДИНА (*кричит из комнаты*). Самое ужасное сочетание: невежа, тряпка и весы! Лиля, лучше не иметь никакого мужа, чем невежу, тряпку и весы в одном флаконе!

Свет в соседней комнате гаснет. Лиля подходит к книжному шкафу, достает книгу, открывает на нужной странице и пересчитывает деньги. Затем достает кувшин с верхней полки серванта, извлекает деньги оттуда и тоже пересчитывает. Наконец нерешительно идет к шкафу, достает оттуда коробку из-под обуви, затем сейф.

ЛИЛЯ (*набирает код*). Восемнадцать ноль девять.

Лиля открывает сейф и извлекает оттуда всё содержимое, им оказывается большая афиша Магомаева с автографом «Дорогой Дине», газетные вырезки, большие фотографии: Дина с Лещенко, Дина с Бабкиной, Дина с Кобзоном и т.д. Лиля разворачивает одну из газетных вырезок.

ЛИЛЯ (*читает*). «Здесь всегда интересно... Планы мероприятий клуба составлены продуманно и поэтому всегда интересны и разнообразны. В обсуждении плана принимает участие широкий актив... Сотрудники тепло отзываются о заведующей сектором культмассовой работы Д.В. Брежневой, которая совместно с А. Терещенко и другими членами культкомиссии стараются сделать все, чтобы улучшить работу клуба»...

Лиля садится за стол и долго молчит, не выпуская из рук Дининых «драгоценностей». Затем складывает всё обратно в сейф, закрывает его, кладет на место и, погасив свет, уходит из гостиной.

Сцена 10

Дина гипнотизирует телефон: то подходит к нему, то отходит, берет трубку, кладет на место, наконец набирает номер.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Алло?

ДИНА. Добрый день! Это квартира Брежневых?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Это квартира Климовых.

ДИНА. Как? А давно эта квартира — Климовых?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Да уж десять лет как.

ДИНА. А купили вы ее у Брежневых?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. А может, вам еще пин-код от зарплатной карточки продиктовать?

ДИНА. Нет, пин-код не надо, мне бы только узнать, у Брежневых ли купили...

Раздаются короткие гудки. Дина сидит неподвижно.

Комната начинает заполняться людьми «из прошлого». Входит Подросток (23), садится за стол. Следом — Вера с маленькой супницей, за ней — Дина. Юноша (27) стоит возле Дины, которая перебирает какие-то бумаги. На самом видном месте, под стеклом, — жилет Гоголя.

ЮНОША. Мать, сними ты эту табличку с машины. Пожалуйста! Меня уже все засмеяли.

ДИНА. Что смешного?

ЮНОША. Ничего! Меня все называют пятиюродным внучатым племянником шурина Брежнева и стоюродным братом жены племянника Гоголя! С жилетом твоим. Достали!

ДИНА. Я не понимаю. У меня служебный автомобиль, на нем написана моя фамилия, что тебе не нравится?!

ЮНОША. На нем огромными буквами написано «Брежнева», а рядом мелко, миллиметра в три приписка «Дина Викторовна». Ну стыдно, мать!

ВЕРА. Я вчера видела, как сторож честь отдал, когда ты подъезжала, а потом этой же рукой за сердце схватился.

ДИНА. На то и рассчитано. На этом авто я могу проехать везде.

ЮНОША. Но ты не Брежнев и не его родственница! Это вызывает смех, когда узнают, кто едет в машине, что непонятного?

Дина копается в бумагах. Юноша уходит, хлопнув дверью. Подросток спокойно читает книгу, ни на кого не обращая внимания. Вера разливает суп по трем тарелкам. Все едят молча. Дина продолжает заниматься своими бумагами.

Дина Викторовна встает из-за стола, подходит к каждому по очереди, у Дины пытается забрать бумаги, у юноши — книгу, но у нее ничего не получается, всё будто прозрачное. Все продолжают есть и читать. Раздается звонок в дверь. Все остаются будто в дымке, кроме Дины Викторовны. Она открывает дверь, входит Риэлтор. Для него видима только Дина Викторовна.

РИЭЛТОР. Вы собственник?

ДИНА. Да.

РИЭЛТОР. Кто-то еще прописан?

ДИНА. Невестка прописана.

РИЭЛТОР. Потолки высокие.

ДИНА. Три восемьдесят.

РИЭЛТОР (*стучит по столу*). Мебель оставляете?

ДИНА. Не всю. Я хочу купить маленькую квартирку, что-то пойдет туда.

Риэлтор осматривает ножки стола, поднимает скатерть и рассматривает стол. Со стола летят тарелки, супница, ложки — что-то разбивается. Риэлтор не видит этого, это видит Дина Викторовна. Она виновато смотрит на всех сидящих за столом.

Риэлтор заглядывает под столешницу.

РИЭЛТОР. Так и думал. Палисандровое дерево. Стол советую включить в стоимость, дорогая штука.

ДИНА. Дорогая.

РИЭЛТОР. Без ремонта, конечно, за сильно дорого не продать. Сейчас все хотят сразу с «евро». А сколько дому?

ДИНА. Как мне.

РИЭЛТОР. Вы дореволюционная?!

ДИНА. Я как раз революционная.

РИЭЛТОР. А вы далеко съезжать собрались?

ДИНА. На Ваганьковское.

РИЭЛТОР. Это который в Царицыно?

ДИНА. В центре.

РИЭЛТОР (*ходит, все трогает, осматривает*). Все в центр хотят... Я что-то слышал про ваш Ваганьковский... Это новый, с крышей вычурной такой?

ДИНА. С нормальной крышей. Вы не москвич?

РИЭЛТОР. Сразу «не москвич». Не выучил еще все эти комплексы, столько их сейчас понастроили... Да, не москвич. Я из Красноярска.

Сцена 11

Лиля и Павел гуляют под снегом.

ПАВЕЛ. Как Новый год встретишь, так его и проведешь! Ты не хочешь провести его со мной?

ЛИЛЯ. Я хочу, Паш, я очень хочу, но у меня есть обстоятельства. У меня больная мама.

ПАВЕЛ. Почему мы не можем встретить Новый год с мамой?

ЛИЛЯ. Ты хочешь провести потом с ней весь год?

ПАВЕЛ. Честно? Не хочу. Но какой выход?

Лиля молчит.

ПАВЕЛ. Я что-то не понимаю... Ты что, стесняешься меня?

ЛИЛЯ. Ну как ты можешь так говорить?!

ПАВЕЛ. А что я должен думать?! Ты даже не хочешь представить меня своей маме, не говоря уже о том, чтобы Новый год вместе встретить!

ЛИЛЯ. Паша, я не знаю, как тебе объяснить... Она мне не родная мама...

ПАВЕЛ. Так тогда тем более!

ЛИЛЯ. Но она очень близкий для меня человек. Она умирает, Паша. Врач сказал, что она может умереть в любую минуту: очень слабое сердце. Ее нельзя травмировать, понимаешь?

ПАВЕЛ. Устроенная личная жизнь дочери — это травма?

ЛИЛЯ. Понимаешь, она привыкла, что я всегда рядом. Если меня не будет рядом, когда идет наш любимый сериал... Или на Новый год... Или когда мы стряпаем вместе... Она просто умрет от горя. Понимаешь?

ПАВЕЛ. А то, что от горя могу умереть я, — это тебя не волнует?

ЛИЛЯ. Волнует! Паша! Очень волнует! Но мне-то что делать?! Разорваться?

ПАВЕЛ (*после паузы*). Хорошо. Ты можешь просто познакомить нас? Просто познакомить. Я не буду тебя забирать, увозить. Я уже понял, что в Ярославль ты не поедешь. Я не буду

ни на чем настаивать. Сможет она перенести хотя бы просто знакомство со мной? Я обещаю, что смогу ее обаять!

ЛИЛЯ. Кого ты знаешь по имени Карл?

ПАВЕЛ. Из знакомых?

ЛИЛЯ. Из знаменитых.

ПАВЕЛ. Ну Маркса.

ЛИЛЯ. Еще думай.

ПАВЕЛ. Который у Клары украл кораллы.

ЛИЛЯ. Вебера знаешь?

ПАВЕЛ. Слышал.

ЛИЛЯ. Что слышал?

ПАВЕЛ. Фамилию слышал.

ЛИЛЯ. А что из композиций его слышал?

ПАВЕЛ. Лиля, я окончил школу, когда ты еще не родилась!

ЛИЛЯ. Ну пожалуйста! Для меня это очень важно!

ПАВЕЛ. Я не помню, что слышал. Что-то слышал. Я не музыкант.

ЛИЛЯ. «Приглашение к танцу». Он написал «Приглашение к танцу». Запомнил?

Павел молча смотрит на Лилю.

ЛИЛЯ. Любой известный бас.

ПАВЕЛ. Что?

ЛИЛЯ. Назови фамилию любого известного баса?

ПАВЕЛ. Лиля!

ЛИЛЯ. Хорошо! Тенора!

ПАВЕЛ. Ты издеваешься надо мной?

ЛИЛЯ. Хоть одного Гамлета советской эстрады ты знаешь?

ПАВЕЛ. Не знаю, Лиля! Могу рассказать о строении паровой машины, правило буравчика, про атом могу поговорить. Но я не театрал!

ЛИЛЯ. Полный провал, Паша. Я не могу показать тебя маме. По крайней мере пока.

ПАВЕЛ. Она что, будет меня экзаменовать?

ЛИЛЯ. Типа того.

ПАВЕЛ. Она мне уже нравится... Самый страшный сон мне приснился в полтинник. Как меня вызывают в школу и говорят: «Ваша соседка по парте Нина Суздальцева созналась, что выпускное сочинение вместо вас писала она! Итак, тема вины и возмездия в драме

Островского «Гроза». У вас есть два часа, чтобы написать сочинение самому». Лиля, мне полтинник, а я в холодном поту вскочил с кровати! От ужаса!

Лиля смеется. Они выходят

ПАВЕЛ. Хорошо. Давай мне список билетов. Я подготовлюсь ко встрече с твоей матушкой.

Обнимает и целует Лилю.

ЛИЛЯ. Пора!

ПАВЕЛ. Хотя бы проводить я могу тебя?!

ЛИЛЯ. Мама всегда смотрит в окно, поэтому лучше не надо... Первый этаж... Для нее это будет травма. Я должна подготовить ее.

ПАВЕЛ. Это уже цирк, Лиля.

Павел разворачивается и уходит.

ЛИЛЯ (*кричит вслед*). Паша, ты куда?

ПАВЕЛ. Учить билеты. С Новым годом!

Лиля уходит в другую сторону. Павел останавливается и набирает номер.

ПАВЕЛ (*в трубку*). Кацап, подстрахуй третьего. Гарантия нужна, в долгу не останусь.

Сцена 12

Квартира Дины. Дина сидит на тахте с телефоном в руках. Набирает номер.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Ваганьковское. Администрация.

ДИНА. Здравствуйте! Я хотела бы, чтобы меня похоронили на вашем кладбище.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*после паузы*). А вы, простите, кто?

ДИНА. Моя фамилия Брежнева.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Вера?

ДИНА. Дина.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Леонидовна?

ДИНА. Викторовна.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Вы тогда в Хованское позвоните.

ДИНА. Мне туда не надо, мне на Ваганьковское надо.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Наше кладбище закрыто для гражданских захоронений. Только известные личности у нас подхораниваются.

ДИНА. Я прямой потомок Чингисхана.

Молчание в трубке.

ДИНА. У меня известные предки: Кублан Хан и великий монарх Могол, царь бабуров, от его любимой киргизской наложницы произошла как раз моя прапрабабушка.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. А, ну тогда ясно всё. Вы позвоните директору, месяца через полтора, а лучше через два, и всё решите. Он в отпуске сейчас.

ДИНА. Не кладите трубку, пожалуйста! Я же знаю, что всё решают именно администраторы. Я умоляю вас: скажите, как мне попасть на Ваганьковское? Я была знакома с половиной богемы, которая у вас похоронена. Я хочу к ним. Я даже место выбрала, там пусто, там нет никого, это совсем с краю. Сказать вам квадрат? Сколько оно может стоить?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Давайте я запишу ваши контакты, оформим заявление, входящий-исходящий, всё как положено, и вам обязательно перезвонят.

ДИНА. Понимаете, какое дело. Мне совершенно некогда. Мне почти девяносто, и врач сказал, что я могу умереть в любую минуту! Даже сейчас!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Охренели совсем венки сюда сваливать? Уберите к выходу! Извините. Да.

ДИНА. А вы венки тоже производите? У вас можно заказать?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Можно.

ДИНА. И живые цветы у вас можно покупать?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Можно.

ДИНА. И венки из них делают?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Делают.

ДИНА. А смотрит кто-нибудь, чтобы чисто на могиле было, увядшие цветы убирают?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Послушайте... родственница Чингисхана... Почему вас это волнует?

ДИНА. Потому что я до сих пор делаю маникюр и педикюр... Естественно, что меня волнует, как я буду выглядеть в глазах окружающих... потом... Мне надо, чтобы всё было

красиво и убрано. И чтобы всегда было много цветов. Я хочу организовать всё сейчас. Я привыкла всё организовывать...

Входит Лиля, она прислушивается к разговору.

ДИНА. Я хочу заплатить за несколько лет вперед, чтобы каждую неделю приносили много цветов и убрали увядшие, надо орхидеи и розы, никаких гвоздик, можно заказать такую услугу?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Послушайте, мы входящий-исходящий оформим, с вами свяжутся, а там решим... Будьте здоровы!

ДИНА. А контакты! Контакты вы не записали!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Да. Да, контакты. Записываю.

ДИНА. Брежнева. Дина Викторовна. Восемь четыре девять пять сто пять тридцать два пятьдесят.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Записала! До свидания. Будьте лучше здоровы...

ДИНА. Спасибо!

Дина замечает Лилю.

ДИНА. Лилечка! Ты давно пришла?

ЛИЛЯ. Только что.

ДИНА. Лиля, я хочу поехать на кладбище.

ЛИЛЯ. К Высоцкому?

ДИНА. Нет, к родителям.

ЛИЛЯ. Странно...

ДИНА. Что странно?

ЛИЛЯ. Тридцать первое декабря сегодня, Новый год вроде. А вы про кладбище...

ДИНА. Я давно у них не была.

ЛИЛЯ. Это им вы сейчас цветы заказывали?

ДИНА. Нет... Это я себе.

ЛИЛЯ. В каком смысле?!

ДИНА. Лиля, была такая удивительная история. Я когда узнала ее, так плакала! Маяковский, когда был в Париже, влюбился в Татьяну Яковлеву, это была такая любовь! Вот ты какие стихи Маяковского помнишь?

ЛИЛЯ (*вспоминает*). «Я достаю из широких штанин...»

ДИНА. Вот! А у него такая чудная любовная лирика была, кроме всех этих агиток! Хотя... Это тоже можно отнести к любовной лирике!

Дина смеется, Лиля смущена.

ДИНА. Там дальше тем более «смотрите, завидуйте...» Определенно! Ну так вот. Он этой Яковлевой такие стихи написал! Вот послушай: «Я всё равно тебя когда-нибудь возьму: одну или вдвоём с Парижем!» Красиво как!

ЛИЛЯ. Да. И она бросила ради него Париж?

ДИНА. Она — нет! Зато он-то, он-то! Он заработал кучу денег в Париже и всю эту кучу оставил в местном цветочном магазине, чтобы каждый день посыльный приносил Яковлевой самые необычные и дорогие цветы, а в каждый букет вкладывал записку: «Цветы от Маяковского!» Представляешь: каждый день Яковлева получала букеты от Маяковского! Какой жест! Но в 1930-м Маяковский застрелился, Яковлева прочитала об этом в газете. А после того как прочитала, раздался звонок в дверь, и зашел посыльный с очередным «букетом от Маяковского!» Но это было только начало! На протяжении нескольких десятилетий она получала цветы практически с того света! Вот такая любовь, для которой даже смерть не стала преградой! А во время войны эти букеты помогли ей выжить: она продавала их на бульваре и, благодаря этому, не умерла от голода! Голод же был тогда!

ЛИЛЯ. А кто же тогда покупал эти цветы, если голод был?

ДИНА (*задумалась*). Об этом я не подумала... Но кто-то, видно, покупал, раз написали... Вот, очевидно, были такие, как ты, кто сомневался в этой красивой истории, и вот однажды писатель Аркадий Рывлин решил проверить, правда это или нет. Это было в семидесятых. Он оказался в Париже и приложил все усилия, чтобы попасть в гости к Татьяне Яковлевой! Они долго беседовали обо всем на свете, ему, конечно, было неудобно расспрашивать седую царственную даму о цветах и романе со знаменитостью. Но в какой-то момент он все-таки не выдержал и спросил, правда ли, что существуют цветы от Маяковского? Возможно ли, чтобы столько лет подряд... «Пейте чай, — ответила Татьяна, — пейте чай. Вы ведь никуда не торопитесь?» Рывлин подумал, что она просто не хочет говорить на эту тему, но через час в дверь позвонили... Никогда в жизни не видел он более роскошного букета золотых японских хризантем, за которым почти не было видно посыльного, который произнес: «От Маяковского»!

ЛИЛЯ. Действительно красиво. (*Вытирает слезы.*) А как это связано с вашим звонком?

ДИНА (*после паузы*). Просто я хочу, чтобы на моей могиле было всегда много свежих цветов. Чтобы моя могила как-то выделялась что ли...

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, меня уже колотит от разговоров на эту тему!

ДИНА. Вот именно чтобы тебя не колотило, я решила всё сделать сама!

ЛИЛЯ. Что сделать?

ДИНА. Я положу большую сумму на счет цветочного отдела кладбища, чтобы каждую неделю мне приносили охапку свежих красивейших цветов!

ЛИЛЯ (*плачет*). Дина Викторовна, что вы несете?! И откуда у вас столько денег?

ДИНА. Я продаю квартиру.

ЛИЛЯ. Ради того чтобы положить деньги на счет цветочной компании?!

ДИНА. Не только. Еще чтобы купить место на Ваганьковском. Но ты не переживай: я куплю небольшую квартирку и перепишу ее на твое имя!

ЛИЛЯ. Не надо мне никаких квартирок! У вас есть сын, ему и переписывайте. Дина Викторовна, не забывайте: вы в России! Это в Париже директор цветочного несколько десятков лет гонял посыльных с цветами от усопшего. В России директор цветочного немедленно купит на ваши деньги новое авто и не вспомнит про ваши цветы!

ДИНА. Но мне обещали! Я могла бы попросить тебя, но я не хочу тебе мешать и после смерти! Поэтому я просто заплачу, чтобы приносили цветы и убирали старые...

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, я не смогу приходить на вашу могилу, потому что умру раньше вас.

ДИНА. Лиля, я написала некролог на себя, вот послушай...

ЛИЛЯ. Всё, мама, хватит! Я не хочу слушать некрологи в Новый год!

ДИНА. Не некрологи, а некролог. Один всего.

ЛИЛЯ. Ни один, ни десять! (*Открывает сундук с новогодними игрушками.*) Давайте создавать новогоднее настроение!

ДИНА. Ну хорошо, давай! У меня как раз накопилось несколько интереснейших воспоминаний!

Лиля закрывает сундук и включает радио: горит огонек. Лиля щелкает мышкой, и из ноутбука звучит «Прощание Лоэнгрин с лебедем» из оперы «Лоэнгрин» в исполнении Леонида Собинова.

ДИНА. Прощание с лебедем... Леонид Витальевич, дорогой!

Лиля выключает, ищет замену.

ДИНА. Оставь лебеда, Лиля.

ЛИЛЯ. Не надо лебеда, Дина Викторовна! Что угодно, только не лебеда.

ДИНА. Как он это пел, Лиля! А какой мужчина был!

ЛИЛЯ. Вы были знакомы с Собиновым??

ДИНА. Еще как. Все его послушать хотели, увидеть хоть одним глазком. Ну и я не исключение. Билет купить было не под силу, конечно. Я тогда придумала, как быть. *(Лиля садится за ноутбук и печатает. Дина начинает говорить несколько иначе, «красивее».)*

В четыре часа дня, когда закончилась репетиция, мне удалось пробраться в верхний ярус и после долгой торговли уговорить билетершу, занимавшуюся уборкой, помочь мне за пять копеек попасть в число счастливых зрителей. *(Лиле.)* Не сиди на углу стола — замуж не выйдешь. *(Лиля сдвигается. Дина продолжает.)* Моя покровительница потребовала, чтобы я легла под скамейку последнего ряда и не подавала признаков жизни до ее возвращения. Покорно устроившись на полу, я задремала, но была разбужена раздавшимся сильным храпом: в темноте с трудом удалось разглядеть молодого человека (явно студента), не менее пламенного почитателя талантливого певца. Смотреть и слушать оперу пришлось стоя, но это оказалось не трудным делом: яркость впечатлений не позволила даже подумать о таких пустяках. Что это был за голос! Будто золото гремит. Но самое интересное случилось после концерта. Шла я и плакала: во-первых, я была под впечатлением от Лоэнгрина, а во-вторых, понимала, что дома меня ожидает ремень папы. Никто не знал, где я, а время позднее. Иду, реву. А тут из-за угла появляется сам Собинов в окружении своей свиты! Леонид Витальевич! Боже ж ты мой! Ноги так и подкосились! Стою зареванная, а он платок из кармана достал и подал мне! Сказал: «Ты же красавица, а красавицы не должны плакать!» Так и сказал. Дерут мне задницу ремнем, а я реву в этот платок. «Красавица! — отец еще приговаривает. — Я тебе дам красавицу!» Дерут на глазах жилета Гоголя и платка Собинова. Тогда я в первый раз поняла, что мне с родителями не по пути, не поймут они меня никогда, не тонкие они натуры. А потом еще отец платок у меня отобрал и в сортир с ним. Чтоб знала. Никогда ему не прощу. Это всё можешь не писать.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, но... вы же Витю в честь отца назвали?

ДИНА. Какого отца? Витю я в честь Виктора Гюго назвала! У меня когда схватки начались, я как раз «Отверженных» читала. А на сцене заканчивался спектакль «Я хочу домой». Ольга Ивановна Пыжова ставила по Михалкову. Домой, кстати сказать, совершенно не хотелось. Ровно как и в роддом: едешь туда и понимаешь, что теперь только месяца через три сможешь выпорхнуть на работу, не раньше. Но роды не

спектакль — их не отменишь и билеты не вернёшь. Спектакль закончила и поехала рожать. Через пять часов у меня уже было два Виктора — один Гюго, а второй... *(Вздыхает.)* Витенька. А на работу я да, через три месяца вернулась.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, а почему вы решили стать именно администратором?..

ДИНА. Я в Щукинское поступала на актрису, а меня не взяли. Правда, в том году почти сто человек на место было. Стоит эта очередь поступающих, а я слышу: кто-то мой «Сон Татьяны» из Онегина репетирует. А это же мой отрывок, с ним-то я и пришла как раз. Вот совпадение! Получилось, что один и тот же отрывок читали. Один отрывок, черт побери, автор один... Она поступила, а я — нет. Она потом Людмилой Целиковской стала, а я — администратором.

ЛИЛЯ. Вы потом встречались?

ДИНА. Да, я рассказала ей, она переживала, что испортила мне жизнь. А я ей сказала, что она наоборот устроила мою жизнь. Ведь администратор в некотором роде всегда «над» артистами. Артисты зависят от того, как поработает администратор и какой зал соберет, и в каком настроении рассядутся зрители... Вот удивительная штука, Лиля. Сколько людей! Смотришь, бывает, в театре перед спектаклем. Идут, идут... В платьях идут, в костюмах. В шляпках всяких. Стоят себе в фойе. В зале сидят. А я думаю каждый раз: кто эти люди? О чем каждый думает сейчас? Все на один и тот же спектакль пришли, но все пришли из разных мест и с разными мыслями, и уходят с разными мыслями. Кто-то из них ученый, кто-то кондитер, кто-то врач, а кто-то этот... который макияж покойникам делает, как мать Катина. А если уставший сидит, то почему? Кто это? Хирург после операции или уборщица после тысячи квадратных метров грязного пола? Сидят-то одинаково. Интересно. И все в этот час, в эту минуту пришли в наш театр, который всех как бы уравнивает спектаклем. Администраторы — они организуют всю жизнь. ...Во всё время своей работы, в течение многих десятков лет — чего там греха таить — главным и определяющим для меня было одно стремление... Вывесить перед глазами огорченных неудачников заветную табличку «все билеты проданы»! Это ощущение невозможно передать! От администраторов и Людмилы Целиковские во многом зависят, и остальные звезды. Без нас звезды не светили бы.

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, давайте звезду уже на елку определять и игрушки. И курицу ставить. Мы пропустим Новый год.

Лиля открывает сундук с игрушками, устанавливает на макушку звезду. Затемнение.

Никого не видно. Бьют куранты.

Сцена 12

Павел встречается Лилю в кафе. Снимает с нее дубленку. По-христиански целует ее в правую щеку, в левую, вместо оставшейся правой неожиданно впивается в Лилины губы.

ЛИЛЯ. Люди вокруг!

ПАВЕЛ. Карл Вебер написал «Приглашение к танцу». Бас — Шаляпин, тенор — Козловский. Гамлета играла куча фамилий, всех я не запомнил. Запомнил Смоктуновского и Высоцкого, этого хватит для собеседования?

ЛИЛЯ (*смеется*). Молодец.

ПАВЕЛ. Я голодный и съел бы кабана. И нам приготовили кабана. Сколько у тебя времени на несанкционированный поход за счастьем?

ЛИЛЯ (*смеется*). Ты смешной.

ПАВЕЛ. Да, я чувствую, что смешон. В шестьдесят лет целуюсь по подворотням, чтобы никто не увидел, скрываюсь от какой-то образованной старушки и боюсь быть поставленным в угол ею же.

ЛИЛЯ. Может, приступим к кабану?

ПАВЕЛ. Значит, времени не так много.

Павел и Лиля едят.

ПАВЕЛ. Лиля! Лилечка! Когда мы пойдем в ЗАГС?

ЛИЛЯ. Это официальное предложение?

ПАВЕЛ. Официальное предложение я сделал тебе, когда нас не пустили в театр. Сейчас я просто уточняю дату.

ЛИЛЯ. Паша! Пашечка! Пожалей мою маму!

ПАВЕЛ. Лилечка, ты не хочешь выйти за меня замуж?

ЛИЛЯ. Я хочу.

ПАВЕЛ. Тогда давай просто встретимся с мамой и поговорим с ней! Она поймет! Она тоже когда-то ходила замуж и рожала детей, она знает, откуда берутся дети, поверь, она всё понимает!

ЛИЛЯ. Тут особый случай...

ПАВЕЛ. Лилечка! Я готов прийти в гости к твоей матушке не позже завтрашнего дня. Я закончил свои дела в Москве, и если мы завтра не решим всё — я уеду в свой Ярославль. Я не могу жить в подвешенном состоянии.

ЛИЛЯ. Ты бросишь меня?

ПАВЕЛ. Нет, конечно. Бросишь меня ты. Если не примешь решения.

ЛИЛЯ. Это жестоко, Паша. Я и так разрываюсь между вами!

ПАВЕЛ. Ешь кабана!

ЛИЛЯ. Не хочу я кабана. Я пойду.

ПАВЕЛ. Куда? Ты же только что пришла и готова была съесть кабана?

ЛИЛЯ. А теперь пойду готовить маму...

ПАВЕЛ. Тебя опять нельзя проводить?

ЛИЛЯ. Ну она же еще не подготовлена...

Лиля уходит.

Сцена 13

Лиля заходит домой. Дина неподвижно сидит в кресле и смотрит в одну точку. Лиля долго не решается начать разговор.

ЛИЛЯ (*серьезно*). Дина Викторовна, у меня для вас новость.

ДИНА (*обреченно*). Я уже знаю.

Долгая пауза.

ЛИЛЯ. И... И что вы можете сказать?

ДИНА. Трагедия. Что еще я могу сказать.

ЛИЛЯ. Ну почему сразу трагедия?

ДИНА. Самая настоящая трагедия. Сердце болит. Валерьянку всю извела, пустырник. Я даже курила, Лиля.

ЛИЛЯ. О господи! Вам же категорически нельзя! ...Я же знала, знала, что так всё и будет!

ДИНА. А как иначе?! Будто что-то сломалось внутри.

ЛИЛЯ (*обнимает Дину, плачет*). Господи! Дина Викторовна, я буду всегда рядом! Только, пожалуйста, не убивайтесь так! Я никогда вас не брошу, никогда!

ДИНА. Почему Бог забирает лучших?

ЛИЛЯ. Ну я же не умерла, зачем вы так!

ДИНА. Только это и утешает.

ЛИЛЯ. Я же вам сказала, что никогда не брошу вас.

ДИНА. Спасибо.

ЛИЛЯ. А откуда вы узнали?

ДИНА. Как все — из новостей.

ЛИЛЯ. Из каких новостей?!

ДИНА. Из всех! По всем каналам передают. Я только оправилась от смерти Полищук, а тут на тебе — Абдулов! *(Плачет.)* Пятьдесят четыре года!

Лиля перестает обнимать Дину, садится за стол и молчит.

ДИНА. Он был удивительным, Лиля, удивительным!

ЛИЛЯ. Да.

ДИНА. Люда Сёмина на его кинофильме помощником главного гримера была. Он снимал как режиссер и сам главную роль играл. «Лузер» фильм называется. Люда столько мне рассказывала об этих съемках... Эта сцена самая первая, где снег валит, — помнишь? В самом начале?

ЛИЛЯ. Помню.

ДИНА. Этого снега месяц ждали! Сначала три недели его даже не обещали. Потом один день пообещали снег. Постояла весь день съемочная группа — нет снега. Второй день обещают — нет. Третий. Нет, и всё тут! А дальше снега до самого Рождества не обещают! Вышли двадцать девятого декабря, ждут все — ну вдруг?! Но сколько ни стояли, сколько в небо ни смотрели — ну ничего снега не предвещает! Работа стоит. Деньги капают. А рядом с этим местом — в районе Маяковской примерно — церквушка Рождества Богородицы стоит. Абдулов ее с конца восьмидесятых реставрировал, отстраивал... Развернулся Абдулов и пошел! Куда пошел, зачем пошел — никто ничего не понимает! А он в церквушку эту пошел — с Богом разговаривать, молиться! Часа полтора его не было, выходит — и снег хлопьями!!! Счастье какое! А кадр какой! Лиля, ты помнишь этот кадр в фильме, в самом начале?

ЛИЛЯ. Я помню.

ДИНА. Ничего ты не помнишь. Я должна попасть на прощание. Где будет прощание?

ЛИЛЯ. Дина Викторовна, у вас больное сердце, вам нельзя нервничать! Еще у вас больные ноги! Вы не выходите из дома — просто напоминаю вам!

ДИНА. Но я должна, просто обязана попасть на прощание! Ох, господи! Тяжело как. За что ты так, Господи?! Все лучшие рано уходят. *(После паузы.)* Какое же я получаюсь дерьмо, если до сих пор жива!

ЛИЛЯ. Может, и я дерьмо? Может, лучше бы я померла вместо Абдулова, вы бы меньше убивались? Вот мне интересно, Дина Викторовна, вы извините, конечно. Если бы Бог пришел к вам за советом: кого забрать — Абдулова или меня, вы бы Богу кого посоветовали?

ДИНА. Что за тон, Лиля? Я не узнаю тебя.

ЛИЛЯ. Меня! Меня бы вы посоветовали, я же не Абдулов! Так себе — дом-работа-магазин, магазин-работа-мусор вынести. Завтрак, стирка, ужин. С мухами вожусь, которых все прихлопывают. Человечишко, не стоящий внимания с точки зрения вечности.

ДИНА. Зачем ты так?

ЛИЛЯ. Вам всё важно, Дина Викторовна! Вам важно, что близнецы не уживаются со стрельцами, что водолеи сентиментальны, а козероги козлы. Вам важно, кто из звезд дева, а кто лев, и что из этого получается. Вам важно, сколько раз мимо вас прошла Бабкина и сколько раз вы подали платок Наталии Сац, вам важно подержать в руках письмо, где собственной рукой расписались Станиславский и Качалов, но вам плевать на свою семью! Вы гордитесь, что артисты на сцене пьют чай из вашего мельхиорового сервиза и вас не интересует, что в этот момент вашим собственным родителям не из чего было пить чай! Вы об этом даже не думали! Вы не попали на прощание с собственным отцом, потому что были на гастролях с Утёсовым, но вам просто жизненно необходимо попасть на прощание к Абдулову — и больные ноги с больным сердцем вам не помеха! Вас не интересует, как живут и жили ваши дети! Вы не знаете, когда сын научился ходить и когда у него выпал первый молочный зуб! У вас в голове Абдулов, который понятия не имел о вашем существовании и которому ровным счетом было на вас столь же плевать, сколько вам на вашу семью! Все хранят волосики своих детей с крещения, первые ползунки, просто фотографии своих малышей на худой конец — вы же храните фотографии, на которых Дина Брежнева с великими артистами, они вам заменили всё! А вы подумали: эти великие артисты хранят такие же фотографии, где они — с Диной Брежневой?! Жизнь забрала у вас младшего сына, чтобы вы открыли глаза на второго сына! Но вы по-прежнему тупо меняете родную кровь на жилет Гоголя и судьбу Абдулова — замечательного, неповторимого, гениального, но — чужого, Дина Викторовна! Мама!!! Вас мамой чужой человек называет, я вам никто, никто, Дина Викторовна! А где-то живет ваш родной сын, который как никто другой вправе говорить вам «Мама!». Но несчастен этот ваш старший сын, потому что имел неосторожность родиться не восемнадцатого сентября — в день, который уже назван самым счастливым в вашей жизни, и счастливее быть не может. Младшему повезло родиться именно в этот день. Старшему — нет, бедный, несчастный, он родился — когда?

ДИНА *(тихо)*. Тринадцатого марта.

ЛИЛИЯ. Тринадцатого марта! Угораздило же! Ни к селу ни к городу! ...Вы даже не знаете, есть ли у вас внуки! А может, они похожи на вас? Неужели вас нисколько это не трогает? Жилет Гоголя роднее для вас родного сына и родных внуков? Это же просто кусок тряпки обычного гимназиста, каких было — тысячи! У Гоголя было еще много одежды за всю его жизнь, было много мест, которые он посещал, включая, извините, уборную. Но мы ведь не целуем дверные ручки этих заведений только потому, что когда-то за них держались великие! И не делаем — слава Богу! — исторические таблички на каждой уборной «Здесь мыл свои гениальные руки Гоголь» или «Здесь пИсал Пушкин». *(Дина морщится.)* Да, это ужасно, но он ходил в туалет как простой смертный и, говорят, имел беспорядочные половые контакты с сотнями женщинами. Ваш дом заполняют фотографии и портреты людей, которые знать вас не знают!

ДИНА. Портрет Ленина висел почти в каждом доме, и Ленин не обязан был знать всех, у кого висел... И это было не так давно.

ЛИЛИЯ. Это другая форма идиотизма. Но вы правы — они родные сестры, эти формы. Кто для вас важнее... *(Показывает на многочисленные фото и портреты знаменитостей.)* Они? Или он? *(Показывает в ту сторону, где стояли фотографии Вити, но не находит их.)* Где Витины фотографии?? *(Орёт.)* Уберите Магомаева — зачем Витю?!

ДИНА. Ты только сейчас это заметила? Ты же говорила, что разговариваешь с ним каждый день...

ЛИЛИЯ. И чтоб вы знали: Татьяна Яковлева никогда не голодала во время войны, она преспокойненько получила орден за мужество первого мужа, тут же вышла за другого и эмигрировала с ним в США. С тех пор она никогда — слышите? — никогда не была в Париже! И никакой Аркадий Рывлин не мог к ней приехать в семидесятых в Париж, потому что она ходила в это время по Нью-Йорку! До самой смерти! Это всё красивая сказка, выдумка, пустышка! Не было никаких цветов, никакого голода не было, страданий! Шляпки были для Марлен Дитрих и Эдит Пиаф, куча любовников была, автомобиль был, на который она развела Маяковского. А этого не было! Не было! Для того чтобы понять это — достаточно просто прочитать биографию Яковлевой! Я прочитала!

Дина Викторовна хватается за сердце и молча садится на диван.

ЛИЛИЯ. Дина Викторовна! Только не надо умирать из-за того, что Яковлевой не приходили цветы от Маяковского, я вас умоляю! Это просто неприлично! *(Видит, что Дине*

Викторовне действительно плохо.) Дина Викторовна! Что с вами?! Сердце? Давайте я измерю давление! Нет! Натя сначала капли!

Дает ей капли, измеряет давление. Дина Викторовна скатывается на диван.

ЛИЛЯ (*кричит*). Дина Викторовна! Мама! (*Приводит ее в чувство*). Мама!!! Простите меня, простите! Пожалуйста! Умоляю вас! Простите!

Обнимает ее, плачет. Дина Викторовна обнимает Лилю.

ЛИЛЯ. Давайте сделаем вареники? Или посмотрим сериал? Давайте сделаем что-нибудь привычное, родное, незаменимое...

ДИНА (*обнимает Лилю*). Ты права, Лиля. Ты во всем права.

Лиля включает телевизор.

ГОЛОС ДИКТОРА. Прощание с Александром Абдуловым состоится 5 января с 11.00 до 13.45 в помещении театра «Ленком». Великий артист будет похоронен на Ваганьковском кладбище.

ДИНА. Вот. И Абдулов на Ваганьковском...

ЛИЛЯ. Да что ж такое... (*Собирается выключить*.)

ДИНА. Не выключай. Я никуда не пойду, не переживай.

Раздается звонок в дверь.

ЛИЛЯ (*идёт к двери*). Вы кого-то ждете?

ДИНА. Смерть с косою.

Лиля останавливается.

ДИНА. Открывай-открывай.

Лиля открывает дверь. На пороге стоит Павел. Он опешил, Лиля тоже, она выталкивает его на площадку и выходит вместе с ним, прикрывая дверь.

ЛИЛЯ. Зачем ты пришел?! Я же просила! Ты следил за мной?!

ПАВЕЛ. А ты что тут делаешь?!

ЛИЛЯ. В каком смысле?! Я здесь живу!

ДИНА *(из комнаты)*. Кто там, Лиля?

ЛИЛЯ. Никто!

ПАВЕЛ *(пытается войти в квартиру)*. Это всего лишь я, мама!

ДИНА. Что?!

ЛИЛЯ *(выталкивает его)*. Что за глупые шутки? Уходи немедленно!

ДИНА. Лиля,пусти его!

Павел входит в квартиру и становится напротив Дины. Лиля маячит между ними.

ЛИЛЯ. Мама! Я вам всё объясню! Это недоразумение! Он пришел вопреки моему желанию! Он без разрешения пришел! Я не хотела, я вообще не собиралась!..

ПАВЕЛ *(смотрит на Дину)*. Мама.

ЛИЛЯ. Не смей называть ее мамой! Она... она мама моего умершего мужа!

ПАВЕЛ. Ты жена Вити?! Витя — умер?! *(Дине.)* Мама. Мама, я бы раньше приехал. Всё жилет твой... Гоголя твоего... Я виноват. Я его искал много лет. Я искал, мам. И я нашел.

(Достает из пакета жилет Гоголя.)

ДИНА. Ма-ма...

ПАВЕЛ. Да, мама уютнее, чем мать...

Дина подходит к Павлу, трогает его руки, лицо, вдыхает запах сына и беззвучно плачет.

ДИНА. А я тебе звоню-звоню, звоню-звоню...

ПАВЕЛ. И я тебе звоню-звоню, а у тебя телефон выключен...

ЛИЛЯ. Так вы...

ДИНА. Лиля, это мой сынок. Сынок, это моя Лиля. Она мне как дочь.

ПАВЕЛ. Она была женой Вити... А теперь будет моей женой, мам. Может быть...

ДИНА. Как? *(Поднимает голову к потолку.)* Боженька, как ты это сделал? Всё вишня!

ЛИЛЯ *(протягивает Дине билет от кафе)*. Это всё ваш судьбоносный билетик!

ДИНА. Ты ходила в мое кафе, Лиля? Лилечка! Так это ж тогда точно божий знак! Это сам Бог!.. *(Обнимает Павла и Лилю.)* Лилечка! Так ты теперь от меня — никуда! Вы теперь оба от меня никуда! Радость-то какая! Так и умирать веселее!

ПАВЕЛ. А ты изменилась, мам: я думал, ты жилет сначала обнимать будешь, а мне — как повезет... А ты на него даже не взглянула.

ДИНА. Да ну его, жилет... Надо его в музей сдать театральный.

ПАВЕЛ. Какой музей, мама? Да я на него полжизни положил! Я его на аукционе выкупил — страшно сказать, за какие деньги.

ДИНА. Вот и прекрасно. А теперь сдай. Это предмет истории.

ПАВЕЛ. А как же счастье?

ДИНА. А счастье — вот оно. *(Обнимает Павла и Лилю.)* Счастье-то какое! Раки-то с рыбами — лучше всего сочетаются!

Все смеются, обнимаются. Загорается огонек на радио, звучит романс Шельменко «Люблю я» в исполнении Леонида Утёсова. Все обращают внимание на радио.

ДИНА. Пятнадцать лет молчало!

ПАВЕЛ. Мой любимый Утёсов! Любоу нэ галушка. *(Лиле.)* Карл Вебер написал «Приглашение к танцу». Бас — Шаляпин, тенор — Козловский. Гамлета играли Смоктуновский и Высоцкий. ...Любоу — нэ галушка?

ЛИЛИЯ. Не галушка.

ПАВЕЛ. Ну вот и славно. Дрозофиле — памятник. Жилет Гоголя — в музей. А мы — в ЗАГС.

Все обнимаются.

ДИНА. ...Тогда пускай Ваганьковское меня еще подождёт?!..

Все смеются и обнимаются, жилет Гоголя передвигается по сцене, затем поднимается к потолку, делает круг над Диной, Павлом и Лилей, летит над головами зрителей и скрывается за одной из дверей.

© Стародуб-Афанасьева Я. Ю., 2016